

Культура и революция: диалектика генезиса

Булавка Л.А.,
д.ф.н., Российский институт культурологии

Октябрь и культура: несколько вводных ремарок

Культура и революция. Революция и культура. Сегодня с позиции господствующей и *должной* в современной России идеологии идея сопряжения (пусть даже самого абстрактного) Октябрьской революции, которой, по выражению Г. Померанца, «Ленинская Россия придала коммунистический характер»¹, и культуры выглядит, по меньшей мере, неправомерной.

Не открывая полемики по поводу культурно-исторического значения Октябрьской социалистической революции (авторская позиция на этот счет в данной работе представлена), сошлемся лишь на то понимание ее объективных предпосылок, которое являет в своей книге английский писатель Г. Уэллс, побывавший в революционной России в 1920 г. Вот что писал он по этому поводу: «Самое потрясающее из впечатлений, испытанных нами в России, – это впечатление величайшего и непоправимого краха. Огромная монархия, господствовавшая здесь в 1914 году, с ее системой управления, общественных институтов, финансов и экономики, пала и разрушилась до основания, не выдержав непрерывной шестилетней войны. История еще не видела столь чудовищной катастрофы. В наших глазах это крушение затмевает даже саму революцию. Под жесткими ударами империалистической агрессии насквозь прогнившая Россия, которая до 1914 года была неотъемлемой частью старого цивилизованного мира, рухнула и исчезла с лица земли... При этих чрезвычайных обстоятельствах, среди всеобщего развала, власть взяло правительство, которое опирается на сплоченную партию – партию коммунистов...»².

И вот еще одно свидетельство объективной поступи Октябрьской революции, данное А. Керенским в его воспоминаниях: «Я отлично помню, как на июньском Первом Всероссийском Съезде Советов на мой прямой вопрос, готовы ли присутствующие в этом собрании представители революционной демократии взять на себя всю власть и всю ответственность, зал ответил гробовым молчанием. Только кто-то из большевиков, сидящий рядом с Лениным при молчаливом одобрении последнего явно сказал – мы возьмем. И я помню, как слышавшие эту фразу

¹ Померанц Г. Сны земли. Париж, 1984. С. 312.

² Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1970. С. 18–19.

отнеслись к ней, как к не особенно острой шутке со стороны безответственной оппозиции»¹

Вопросы культурного развития для большевистского правительства сразу же стали первоочередными, определяя основы разрешения дихотомического отношения: культура – власть. И если для Шпенглера одним из основных критериев «фаустовской» культуры является воля к власти, то для большевиков это отношение выстраивается принципиально иначе: власть (политическая) – лишь предпосылка для становления культурной сущности человека в его творческом бытии в Истории.

Вот как позиция большевиков по этому вопросу, была представлена А. В. Луначарским: «...политическая революция сама по себе не имеет ровно никакого значения, и мы не стали бы о ней говорить, если бы не знали, что власть нужно сперва завоевать, чтобы ее уничтожить, предварительно использовав ее для экономической, социальной реформы. Суть социализма заключается не в переходе власти от одного класса к другому – это только средство, а в полной реформе человеческой жизни и завоевании достойного человеческого существования для всего человечества... Социализм будет достигнут тогда, когда мы скажем: "Мы кончили политическую революцию... можем строить наш человеческий быт, можно придать этому быту законченные формы, т. е. формы радостные, формы глубокие, придать высшее значение, наиболее изящные формы. В ...последнем счете вопрос художественный делается основным вопросом социальной реформы"».²

Без понимания всей диалектики взаимосвязи революции и культуры нельзя понять и крайнюю противоречивость, и кажущуюся, на первый взгляд, необъяснимость всплесков и провалов, расцветов и кризисов самой советской культуры.

Эта диалектика может быть первоначально зафиксирована в виде некоторых парадоксов-вопросов (а ведь парадокс – это начало всякого исследования диалектических противоречий).

Первый. Почему народ в революции то разрушает культуру, то тянется к ней? Может быть, народ-варвар настолько глуп, что не понимает, что ему нужно от этой самой культуры? Или же разрушения проистекают из вандализма, таящегося в самой идее революции?

Второй. Почему в 20-е гг. в молодой Советской республике, когда десятки тысяч людей, – в первую очередь молодежь, – уставших от холода, голода и смерти Гражданской войны³, тем не менее добровольно включаются в процесс художественного

¹ Керенский А. Издалека. Сборник статей. Париж. 1921. С. 231.

² Рабочий и театр. 1924. № 14. С. 5–6.

³ Вот что об этих условиях сказал Г. Уэллс: «Вы скажете, что в этих бедствиях и всеобщем уладе повинна власть большевиков! Но я не верю в это». И далее продолжает он: «Не коммунизм вверг эту гигантскую, пошатнувшуюся, обанкротившуюся империю в опустошительную шестилетнюю войну. Это сделал европейский империализм. И не коммунизм подверг истерзанную и, быть может, погибающую Россию непрерывным нападениям платных

самодетельного творчества? Конечно, революция несет в себе и праздничный смысл, но ведь не до такой степени, чтобы люди могли находить в себе не только силы, но и, что удивительно, – желание рисовать, сочинять пьесы и стихи, участвовать в спектаклях.

«Надо удивляться мощному духу пролетария, когда он, утомленный работой, военным обучением, заботой о куске хлеба, аккуратно приходил в студию и скудный остаток (часа 3-4) своего отдыха отдавал искусству», – вспоминал об этом времени бывший актер МХАТ, а в те годы режиссер Центральной студии Пролеткульта В. С. Смышляев.¹

Вовлеченность рабочих, крестьян, солдат в самодеятельное творчество уже за первые годы Советской власти стала настолько широкой, что к началу 20-х гг. потребовались всероссийские съезды для обсуждения опыта, проблем и перспектив развития этого массового художественного творчества.

Например, в ноябре 1919 г. (и это в условиях Гражданской войны!?) был собран Первый Всероссийский съезд рабоче-крестьянских театров, в котором участвовало 243 делегата (от коммунистов, эсеров, меньшевиков и беспартийных) из 27 губерний². В 1921 г. прошло Первое Всероссийское совещание музыкальных работников, так как в 1920 г. в стране действовали уже 224 музыкальные студии Пролеткульта³. Студии изобразительного искусства также открывались немедленно по освобождению территории от белогвардейцев: в 1918–1920 гг. по республике их насчитывалось 186, в одном лишь Петрограде участвующих в 7 студиях было более 4 тысяч человек⁴. В октябре 1920 г. проходил Первый Всероссийский съезд пролетарских писателей.

Третий парадокс. Почему в 30-е гг., во время сталинских репрессий, целая плеяда художников (С. Эйзенштейн, В. Мухина, М. Булгаков, Б. Пастернак, и этот

наемников, интервенции и мятежам, не коммунизм стиснул ее в кольцо жестокой блокады». См.: Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1970. С. 31–32.

¹ Грядущее. 1920. № 4. С. 11. Цит. по: Пинегина Л. А. Советский рабочий класс и художественная культура 1917–1923. М., 1984. С. 81.

² Вот как этот период характеризовал в своих воспоминаниях Л.Троцкий: «Весна и лето 1918 г. были из ряда вон тяжелым временем... Продовольствия не было. Армии не было. Железные дороги были в полном расстройстве. Государственный аппарат еле складывался. Всюду гноились заговоры... Псков был в немецких руках. Украина стала австро-германской колонией. На Волге – французская и английская агентура подняла в 1918 г. восстание корпуса чехословаков из бывших военнопленных. Мурманск и Архангельск – английская и французская зона. Ярославль – восстание белогвардейцев, организованное Савинковым. Урал – банды Дутова. Дон – восстание Краснова. Кольцо вокруг Москвы... Воевали без запасов. Уже в 1919 г. на центральных складах не осталось ничего... Самая низкая точка революции – падение Казани». См.: Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990. С. 123–124, 139, 147.

³ Вестник театра. 1919. № 43. С. 5.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 1230, оп. 1, ед. хр. 1541, л. 28.

⁵ Клейнборт Л. М. Рабочий класс и культура. Т. 2. М., 1925. С. 154–156.

перечень можно продолжить) создают свои лучшие произведения? Может быть, они не понимали, что происходило в это время в стране, или, возможно, для творческого вдохновения интеллигенции необходим ГУЛАГ?

Четвертый. Почему в постсоветский период так и не появились такие явления культуры, которые бы имели тот общественный (а не только для профессионалов и журналистов) резонанс, который рождали, например, такие события, как полет Ю. Гагарина в космос, «Новый мир» А. Твардовского, театр «Современник», песни В. Высоцкого и т.д.

Перечень этих парадоксов можно продолжить и дальше, но важно другое: что стоит за ними, и какая логика выстраивается всей цепью этих парадоксов? Очевидно, что прямых связей здесь нет и без диалектики тут не обойтись. Автор попытается дать свое, хотя и не беспорное, объяснение.

Социальное творчество, общественный идеал и идеология: диалектика взаимосвязи

Генезис советской культуры оказался непосредственно связан с рождением нового типа общества. В свою очередь, это общество и его культура стали прямым следствием революций 1917 г. и, прежде всего, Октябрьской революции. С анализа последней как феномена социального творчества мы и начнем наше рассмотрение проблемы генезиса советской культуры.

Октябрь 1917 г. (в данном случае не как политическое событие, а как поворотный момент в логике общественного развития) породил главное – у масс появилась возможность не просто адаптироваться к общественным отношениям, а *самим* формировать, создавать, одним словом, – творить *общественные отношения* в экономике, в социальной сфере, в культуре. Это и составляло *сущность социального творчества*¹.

Проблема «активизма» субъекта истории достаточно широко обсуждалась в конце 60-х – начале 70-х гг. в философской литературе². Позднее эта проблема ушла из поля основных исследований и фундаментально разрабатывалась главным образом в работах А. В. Бузгалина и А. И. Колганова³, из которых мы и будем исходить в определении содержания понятия «социальное творчество».

Итак, социальное творчество есть созидание самими индивидами качественно новых общественных отношений, снимающих господство над человеком внешних сил отчуждения (власти рынка, государства и т. п.). Для идеологов большевизма принцип и дух социального творчества был достаточно органичным, вытекающим из природы деятельности и образа их жизни еще в дореволюционный

¹ См.: Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1979; Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М., 1979; Межуев В. М. Культура и история. М., 1976.

² См.: Проблема человека в современной философии. М., 1969.

³ См.: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М.: URSS, 2004. Ч. 4.; Ренессанс социализма. М.: URSS, 2003.

период. Не случайно идея социального творчества становится центральной в политике и идеологии большевиков: «Не использовать растущую инициативу и творчество масс, значит, совершать прямое преступление в деле выполнения стоящих перед нами задач»¹, – писал В. Куйбышев.

Установка большевиков на социальное творчество распространялась на все сферы, даже те, которые, казалось бы, совсем мало пригодны для этого, – например, экономику².

И даже в военном деле творчество было значительным фактором успеха многих операций. «Без новых и новых импровизаций во всех областях, война была бы для нас невыносимой. Поезд был инициатором таких импровизаций, а вместе с тем и их регулятором»³, – вспоминал Л. Троцкий о своем бронепоезде, выполнявшем и организационно-штабные функции, и боевые, и мобилизационные, и множество других, от устройства бани для красноармейцев вплоть до шефства над детскими домами.

Отмечая пафос социального творчества 20-х гг., в то же время надо понимать, что массы творили новые общественные отношения противоречиво и зачастую примитивно, в меру собственных представлений и сил, одним словом – на основе всего того «культурного богатства», которое ими было приобретено еще до революции. Это прекрасно понимали большевистские идеологи. «Надо помнить», – писал Ф. Э. Дзержинский, – «что у нас рабочие, как и мы сами, еще некультурны, что у них часто групповые интересы преобладают над интересами всего рабочего класса...»⁴ Это подчеркивал и В. И. Ленин: «При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма»⁵.

Однако большевики, в отличие от большинства интеллигенции, не испугались дать исторический «ход» известному противоречию между еще сохраняющимся низким уровнем культуры и образования революционных масс и исторической необходимостью включения их в качестве главного субъекта в процессы творческого преобразования общественных отношений.

¹ Куйбышев В. В. Социалистическое соревнование и самокритика // Избр. произв. М., 1958. С. 129.

² Вот что по этому поводу писал народный комиссар Ф. Э. Дзержинский: «...каждый хозяйственник должен втянуть массы в сознательное участие в производстве, дать им возможность коллективного творчества, дать возможность выявить все недостатки как аппарата, так и самого производства и указать способы их устранения и общими силами найти путь к улучшению, удешевлению и расширению производства». См. Дзержинский Ф. Э. Циркулярное письмо правлениям синдикатов, трестов и красным директорам // Избр. произв. М., 1977. С. 24.

³ Троцкий Л. Указ соч. С. 147.

⁴ Дзержинский Ф. Э. Циркулярное письмо правлениям синдикатов, трестов и красным директорам // Избр. произв. М., 1977. С. 25.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 168–169; Подобные оценки можно найти и в других его работах. См.: Т. 9. С. 155–156; Т. 11. С. 180–181; Т. 38. С. 165–166.

Сущность этого противоречия понимали и крупные художники. В этой связи для нас особенно важны слова А. Блока, который своим высочайшим поэтическим личностным напряжением, стоившим ему жизни, соединил две эпохи, две страны – распадающуюся и революционную: «Не дело художника – смотреть за тем, как исполняется задуманное, печься о том, исполнится оно или нет... Дело художника, обязанность художника – видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух».

Что же задумано?

Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым, чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью.

Когда такие замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотину, обсыпая лишние куски берегов, – это называется революцией...

Горе тем, кто думает найти в революции исполнение только своих мечтаний, как бы высоки и благородны они ни были. Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих, она легко калечит в своем водовороте достойного, она часто выносит на сушу невредимыми недостойных; но – это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот все равно всегда – о великом...»¹

Большевики прекрасно понимали, что, во-первых, непроявленность и неразрешенность общественных противоречий гораздо опаснее тех социальных «издержек», которые неизбежно появляются при их разрешении, а во-вторых, – только реальное включение масс в социальное преобразование является предпосылкой формирования у них объективной потребности в культуре, чрезвычайно важной для решения актуальнейшей проблемы – самореализации личности индивида.

Вот что по поводу актуальности этой проблемы в период 20-х гг. писал Д. Выгодский: «И мучит вопрос: как же создать, как же распространить для всех умение творить, и в первую очередь грамотность начальную? ..Нужно знание, могущее перевоспитать теперешнюю обстановку, теперешнюю жизнь, могущее отлить жизнь в такие формы, чтобы все люди могли свободно, полноценно творить. Никто не должен замалчивать в себе... мучительный вопрос: зачем жить?»²

Социальное творчество несло в себе не только логику разрешения общественных противоречий, но и являлось формой развития субъектности индивида – той формой, которая востребовала личность индивида во всем богатстве его конкретных проявлений и потенциальных возможностей.

¹ Блок А. *Интеллигенция и революция // Я лучшей доли не искал*. М., 1988. С. 481.

² Выгодский Д. *Пролетарское искусство // Жизнь – творчество*. 1919. № 3. С. 12.

«Самое же главное было в том», – писал об этом времени С. Эйзенштейн, – «что здесь каждый укреплялся в осознании того, что делу революции нужен всякий. И, прежде всего именно в своем неповторимом, угловатом, индивидуальном виде»¹. Это обстоятельство и определяло гуманистический характер социального творчества; вот почему, несмотря на свою подчиненность решению, прежде всего, социальных проблем жизнедеятельности индивида, оно имеет в первую очередь огромное культурное значение.

Диалектика взаимосвязи интересов индивида и общества, с одной стороны, задавала конкретный адрес социальному творчеству, а с другой – обуславливала развитие индивида как личности. «В революционной деятельности», – отмечал В. И. Ленин, – «изменение самого себя совпадает с преобразованием обстоятельств»².

Английский писатель Г. Уэллс, не разделявший идей коммунизма и называвший себя «эволюционным коллективистом», в своей книге о большевиках, породившей бурю негодования за границей, в том числе со стороны самого Черчилля, по этому поводу писал следующее: «Но Ленин, от чьей откровенности, вероятно, захватывает дух у его последователей, окончательно отверг всякое лицемерие и заявил, что революция в России – это не что иное, как наступление эпохи беспредельных поисков»³. И далее он продолжает: «Перед лицом чудовищных трудностей они прилагают все усилия к тому, чтобы из развалины поднялась новая Россия. Мы можем отвергать их принципы и методы, можем называть их планы утопическими или какими угодно, можно смотреть на их действия с ужасом или насмешкой, но мы вынуждены признать, что в России сейчас совершается созидательная работа»⁴.

Итак, социальное творчество стало той формой общественной практики, которая, с одной стороны, выявляя всю меру культурной недостаточности масс, одновременно становилась формой ее преодоления, ибо по мере утверждения их в качестве субъекта истории, у них формировалась потребность в культуре и, более того, потребность в осуществлении себя в роли ее субъекта.

Другой вопрос, что в практике социального творчества далеко не всегда находили разрешение вскрытые им противоречия самого его субъекта (революционных масс). Но здесь важнее другое: трудящиеся наконец-то получали статус *непосредственного субъекта сознательного исторического творчества*. И именно это обстоятельство стало решающим условием в последующем появлении двух очень важных тенденций.

Первая. Социальное творчество явилось теми «дрожками», на которых *всходили к своей собственной сущности социалистический идеал и*

¹ Эйзенштейн С. Нунэ // Избр. произв.: В 6 т. Т. 1. М., 1964. С. 315.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 201.

³ Уэллс Г. Указ. соч. С. 103.

⁴ Там же. С. 77– 8.

социалистическая идеология. Причем и первый, и вторая обретали свою сущность в русле встречного движения друг к другу.

В чем смысл этой тенденции? Как происходило это встречное движение в реальной истории, в первую очередь с социалистической идеологией?

Классовая борьба, предшествовавшая октябрю 1917 г., и последующая народная революция (гражданская война) стали мощным катализатором в процессе осознания массами своих реальных интересов. Революционные события этого периода едва ли не каждого ставили перед простой, но зачастую смертельно жесткой альтернативой: так ты за белых или за красных? События заставляли каждого искать и выбирать адекватную своим интересам политическую форму их выражения¹.

В то же время нельзя не признать, что многие первоначальные лозунги вершителей революции оказались созвучны интересам значительных масс населения. Прежде всего это касалось задач установления мира и наделения крестьян землей². «Главным козырем большевиков был мир. Захватив в ночь на 26 главный телеграф в Санкт-Петербурге и самую в России могущественную царскоевельскую радиостанцию, большевики начали рассылать свои воззвания к миру», – писал в своих воспоминаниях А. Керенский.

«Разогретые» событиями 1917 г. реальные интересы (еще далеко не социалистические) поднявшихся масс, обретшие свое лаконичное выражение в формуле: «Мир – народам! Фабрики – рабочим! Земля – крестьянам!», стали тем мощным социальным энергетическим посылом, который выбросил их на арену исторических действий.

И уже логика революции 1917 г., сопрягая восходящий от своей частной сущности к общественной природе интерес масс с реальной возможностью преобразования действительности, трансформировала энергию стихийного протеста в социальное творчество, а взбунтовавшиеся массы – в субъекта революционного творчества.

Примечательно, что эту диалектику исторической трансформации, которая является заслугой большевиков (чего не желают понимать и признавать их оппоненты, вместо того чтобы по-настоящему критически проанализировать весь большевистский опыт), видели и сами вершители этих процессов. Вот что об этом, в частности, писал Л. Троцкий: «Рабочий класс России под руководством большевиков сделал попытку перестроить жизнь так, чтобы исключить возможность периодических буйных помешательств человечества и заложить основы более высокой культуры. В этом смысл Октябрьской революции»³.

¹ В романах М. Шолохова «Тихий Дон», А. Толстого «Хождение по мукам», А. Веселого «Россия, кровью умытая» талантливо показано, каким трагическим и мучительным не только для безграмотных крестьян и солдат, но и для образованных людей был этот процесс.

² См.: Керенский А. Издалека. Сборник статей. Париж, 1921. С. 27.

³ Троцкий Л. Указ. соч. С. 334.

Содержание реальных интересов широких масс логикой включенности их в социальное творчество наконец-то начинает подниматься с уровня частного (а частность – это тоже идеология, причем определенная) до еще не всеобщего, но уже общего – классового. И действительно, уже позже, через диалектическую связь с культурой, этот базовый интерес индивида становился важнейшей основой его мировоззрения¹.

В свою очередь логика социального творчества (впрочем, как любого творчества вообще) востребовала от его субъекта тот прообраз, тот идеал, в соответствии с которым этот субъект и собирался преобразовывать существующую реальность. И за таким идеалом народным массам далеко ходить не надо было – в арсенале народной культуры этот идеал, *идеал справедливости*, существовал в лучшем случае как «нравственный образ желаемого», как этическая мечта, а чаще – просто как религиозная надежда на «царство Божье», но в любом случае – как некая гуманистическая абстракция.

И уж, конечно, не большевики этот идеал придумали. Появился он как результат героических и, как правило, трагических попыток не только народов России, но и всего человечества вырваться из «царства необходимости». А эмоциональная, духовная и нравственная выстраданность этого опыта со всеми его поражениями, победами, к тому же выраженная в искусстве, как раз и обусловила то, что идеал справедливости формировался и развивался как продукт мировой культуры.

Этот этический народный идеал, конечно, был далек от коммунистического, но здесь важно другое – в качестве его нравственного императива выступал принцип социальной справедливости. Существовая как одно из важнейших общественных отношений мировой культуры, этот идеал в значительной степени определял духовные интенции русской литературы XIX в. Хорошо известно, что Г. Манн назвал русскую литературу от Пушкина до Горького революцией перед революцией². Вот почему политические попытки «выкорчевывания» коммунистического идеала невольно связаны с необходимостью полного разрыва с гуманистической традицией не только советской, да и в целом отечественной, но и всей мировой культуры.

Итак, прежний идеал справедливости, будучи вовлеченным в преобразующую практику масс, основанную на реализации его конкретных общественных интересов, начинает спускаться с «небес» абстракции и становится историческим и потому конкретно творимым. Как писал В. И. Ленин «Человеку нужен идеал, но человеческий, а не сверхъестественный»³.

¹ В дальнейшем эти социальные интересы масс, рефлектируясь в идеологии, приобретали все более ярко выраженный классовый характер. «Специфика идеологии проявляется в том, что она отражает общественное бытие под углом зрения интересов классов», – писал В. И. Ленин. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 356.

² См.: Голик И. Буржуазная критика: политика и литература // Иностранная литература 1974. № 10.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 56.

Так через практику социального творчества происходило восхождение общественного гуманистического идеала от *абстрактного к конкретно-всеобщему*¹.

Именно Октябрь 1917 г. породил процессы *встречного становления гуманистического идеала и социалистической идеологии*, причем не в абстрактной, а в конкретно-исторической форме. Ускорение этого встречного движения происходило по мере становления самого социального творчества, что определялось не только темпами его развития, но и мерой его проникновения в поры всех общественных отношений.

Революционные массы: открытие культуры

Сближение общественного идеала и социалистической идеологии в первые революционные годы объективно вызвало тот взрыв, который для трудящихся происходил как акт великого открытия культуры, прежде существовавшей для них как некая «вещь в себе», как *l'art pour l'art* – искусство для искусства.

И действительно, до революции культура для эксплуатируемых выступала главным образом в отчужденных формах: либо как праздное занятие господ, либо как особый инструмент насилия, эксплуатации, либо как особый и недоступный товар.

Логика же социального творчества 20-х гг. объективно рождала у его субъекта потребность в знаниях, умениях как в важнейшей предпосылке переустройства мира. Вот почему социальное преобразование в новой России и по своей сути, и по своей форме происходило как культурная революция. Идеология культурной политики у большевиков была определена и практически заявлена с первых дней. Идеиная зрелость в этом вопросе простекала не столько из того, что главные идеологи этого течения лично выросли на высокой культуре (хотя это чрезвычайно значимый фактор), сколько из самой логики социально-творческого преобразования (социального творчества), которой был необходим адекватный субъект – социальный творец. И, кроме того, масштабность задач требовала массового субъекта.

Известный советский философ-марксист Н. С. Злобин по этому поводу писал, что культурная революция – это не столько проблема доступности продуктов духовного творчества, сколько, и прежде всего, проблема доступности самого духовного творчества².

Следует подчеркнуть, что значение этого тезиса становилось приоритетным и для общества в определении им задач культурной политики того времени. *Культурная революция вскрыла не реализованную веками творческую энергию и инициативу масс*. Вот лишь некоторые примеры из культурной хроники того времени,

¹ В данном случае речь идет о становлении именно коммунистического идеала: «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна соотноситься действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 34.

² См.: Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М., 1979.

показывающие как революционные «низы» сами инициировали те или иные идеи, сами принимали решения по их осуществлению и сами брали на себя ответственность за их реализацию.

- Осень 1917 г. Петроград. Путиловцы подают идею создания детской художественной студии при заводской школе¹.

- 10 ноября 1921 г. Брянская губерния. Севский уезд. Граждане села Невдольска обеспечили учителей хлебным пайком на целый год.²

- 24 ноября 1918 г. Орел. Рабочие местных заводов работают в воскресенье с тем, чтобы дневной заработок отчислить в фонд пролетарского университета³.

- 1 сентября 1918 г. Нижний Новгород. Открывается народная консерватория⁴.

- 31 октября (13 ноября) 1917 г. Вятская губерния. Сарапульский уезд. Центральный общезаводской комитет Ижевских заводов принимает решение об отчислении от зарплаты работников и служащих средств на организацию курсов для неграмотных мусульман⁵.

- 15 августа 1918 г. Вологодская губерния. Яренск. Уездный исполком принимает постановление об отпуске средств на изготовление зырянских шрифтов. Коми (зырянский) алфавит был составлен в 1918 г. В. А. Молодцовым⁶.

- 20 декабря 1918 г. Орловская губерния. В Ельце открывается народный университет. Представитель профсоюзов сообщает о решении рабочих отчислить на нужды университета полдневный заработок⁷.

- Крестьянский съезд Кузнецкого уезда единогласно постановил приобрести дом, в котором жил писатель Ф. М. Достоевский во время ссылки, с целью устройства в этом доме избы-читальни и музея Достоевского⁸.

Даже из этого небольшого ряда примеров можно увидеть, что творческая инициатива «низов» чаще всего была:

(1) связана с решением *культурных задач*;

(2) ориентирована на их *практическое воплощение*;

(3) по своему содержанию не являлась проявлением узкоклассового эгоцентризма и *была адресована* не только своему классу, но *всему обществу в целом*;

¹ Рабочие и крестьяне России о Ленине. М., 1958. С. 101.

² См.: Известия ВЦИК. 10 ноября 1921 г. С. 2 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 305.

³ Народное просвещение 1918. № 23–25. С. 15 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 94.

⁴ Искусство. 1918. № 3 (7). С. 24 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 75.

⁵ Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. Сборник документов и материалов (1917–1918). Ижевск, 1957. С. 162 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 20.

⁶ Образование Коми автономной области. С. 27, 39 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 71.

⁷ Народное просвещение (еженедельник). 1919. № 30. С. 18.

⁸ См.: Беднота. 1918. 22 (9) мая.

(4) выступала в форме социально-экономической помощи Другому (иному по возрасту, социальному положению, вероисповеданию, национальности и др.).

Культурный взрыв, вылившийся, в частности, в своеобразный Театральный Октябрь, породил много интересных экспериментов, в частности, в области массовых театрализованных действий (вспомним упомянутый выше тезис «революция – праздник угнетенных»), часть из которых перекликается с художественной практикой Парижской Коммуны.

Так, 1 мая в 1920 г. у Фондовой биржи в Петрограде в массовом театрализованном действе «Освобождение труда» участвовало более 2000 человек¹. 1 Мая в Кронштадте в Петровских доках проходил массовый спектакль, посвященный пролетарскому интернационализму, в котором число его участников составляло более 20 тыс. человек².

19 июня 1920 г. в Петрограде к открытию II-го конгресса Коминтерна было подготовлено массовое театральное представление «К мировой коммуне», в котором было занято 4 тыс. участников.

8 ноября 1920 г. по случаю третьей годовщины Октябрьской революции в Петрограде проходил массовый спектакль «Штурм Зимнего дворца». «Сотни и тысячи людей двигались, пели, шли в атаку, скакали на конях, вскакивали на автомобили, неслись, останавливались и колыхались, освещенные военными прожекторами, под несмолкаемое звучание нескольких духовых оркестров, рев сирен и уханье орудий»³. В инсценировке приняло участие 10 тыс. исполнителей. Режиссуру осуществляли Н. Н. Евреинов, А. Р. Кутель, Н. В. Петров

И таких примеров можно привести немало. Важно то, что в этих спектаклях все его участники были действующими лицами, вот почему эти художественные акции были уже не зрелищем, а особым культурным действием.

Новые культурные практики 20-х гг. в революционной России оказались такими массовыми и богатыми по своему содержанию и противоречиям, что потребовали своего общественного осмысления на съездах.

Вот лишь маленький фрагмент из летне-осенней хроники культурной жизни 1920 г.:

- Городская конференция представителей и деятелей рабочих клубов (Петроград)⁴;
- II съезд работников искусств (Москва)⁵;

¹ Пинегина Л. А. Советский рабочий класс и художественная культура. 1917–1927. М. 1984. С. 86.

² Там же.

³ Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 19 ноября 1920 г. // Цит. по: Пинегина Л. А. Советский рабочий класс и художественная культура. 1917–1927. С. 86.

⁴ Петроградская правда. 16 мая 1920 г. С. 2.

⁵ Известия ВЦИК. 3 июня 1920 г. С. 2 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 196–197.

- I Всероссийский съезд еврейских деятелей просвещения и социальной культуры (Москва)¹;
- II Всероссийское совещание работников просвещения среди чувашей (Татарская АССР)²;
- III съезд Всероссийского Совета Пролеткульта³.

Это не просто перечень мероприятий. За всеми этим съездами стояла реальная деятельность местных общественных организаций и конкретных людей, которые (как могли и умели) создавали новые формы жизни. Инновационный характер социального творчества масс был обусловлен тем, что политика большевиков связывала идею культуры с **практическим решением разных конкретных социальных задач**: ликвидацией безграмотности населения, включением его в разные формы художественного творчества, налаживанием органов местного самоуправления, привлечением и обучением масс навыкам общественного учета и контроля власти.

В.И. Ленин не раз указывал (этого никогда не допустит современная российская власть) на важность повышения культуры масс, необходимой для организации учета и контроля с ее стороны над деятельностью всех органов власти, например, через такие формы, как отчеты, которые должны быть доступны каждому через газеты, журналы, листки на афишных тумбах⁴. Такой подход позволял, с одной стороны, актуализировать культурное наследие, а с другой – наполнять общественные отношения культурным содержанием.

Идея культуры у большевиков «привязывалась» к решению важных и конкретных проблем жизни. Так, например, выступая перед трудовыми казаками на их Первом Всероссийском съезде, Ленин говорит не о «русских национальных корнях» и не о культуре вообще, а о работе комиссии ученых и техников над планом электрификации, который должен стать программой экономического и культурного развития страны на 10 лет⁵.

Одним словом, Октябрь 1917-го открыл новый социальный смысл культуры, и теперь для трудящихся она обретала новую ипостась, *становясь* для них в первую очередь «*рабочим инструментом*» в деле (пусть порою примитивного, но от этого не

¹ Жизнь национальностей. 1920. 10 августа. С. 4.

² Жизнь национальностей. 3 ноября 1920 г. С. 4 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 215.

³ Пролетарская культура. 1920. № 13–14. С. 86.

⁴ Вот что писал он об этом: «Отчеты должны правильно читаться... группой коммунистов по возможности из числа, не состоящих в числе служащих и способных читать отчеты с вневедомственной, а только с коммунистической точки зрения. ...Необходимо бороться неуклонно за постепенное расширение круга обязательно печатаемых отчетов всяких экономических учреждений... ибо без приучения все большего количества населения пользоваться в библиотеках подобными отчетами ни о каком действительно превращении полуазиатской страны в культурную и в социалистическую не может быть и речи». См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 112–114.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 166–187, 188–189.

менее великого) *созидания новой общественной жизни*. Понятие же «рабочий инструмент» для трудящихся – понятие не праздное, вот откуда появляется бережное отношение к культуре.

Более того, водоворот происходящих исторических событий рождал у его субъекта острую необходимость постичь смысл происходящего, понять собственный интерес во всем этом и соотнести все это друг с другом. Может быть поэтому, для масс (как для нарождающегося субъекта сознательного исторического действия) культура и в первую очередь театр становился формой осмысления их собственных классовых интересов и перспектив, проблем и противоречий, позволяя в живом непосредственном диалоге совместно с другими выговаривать и проговаривать важнейшие вопросы и ответы по поводу своего бытия в нарождающейся новой жизни¹. «Люди из народа отводили душу и беседовали о самом важном, о том, как и для чего жить и какими способами устроить единственно мыслимое и достойное существование», – писал об этом времени Б. Пастернак². Этому в немалой степени способствовало еще и то обстоятельство, что доступ в те же театральные студии был открыт для всех желающих³. Может быть, потому в это время «театр оказался самой устойчивой частью русской культуры»⁴.

Октябрьская Революция меняла сущность театра: он, по мнению Р. Вагнера, не должен быть «промышленностью, субсидируемой принцами и королями или на иждивении спекулянта – директора. Театр должен быть праздником, свободной коммунаой, совершенно исключаящей деньги и прибыль, должен служить школой воспитания сильного, красивого и свободного человека.

Вот, например, как об этом новом отношении к искусству (как одной из важнейших составляющих культуры), проявляемом со стороны революционного зрителя 20-х гг. писала выдающаяся русская певица Н. А. Обухова: «От прежнего пресыщенного и скучающего зрителя императорских театров его отличало необычайно чуткое отношение к спектаклю, огромная непосредственность, жажда знаний. Каждый, даже рядовой спектакль превращался в праздник»⁵.

Культурная жизнь России в этот период была на подъеме во всех сферах. «В этой удивительной России, измученной войной, холодом, голодом и тяжкими

¹ Вот только один пример: из 45 театров, значившихся в списках театров Петрограда и действовавших в сезонах 1917/1918 – 1920/1921 гг., 27 возникли в 1917–1920-х. Учтем при этом, что население города в это время сократилось с 2,3 миллиона до 740 тысяч. См.: Ленинград в цифрах. Экономико-статистический справочник. Л., 1936. С. 4.

² Пастернак Б. Люди и положения // Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1991. С. 780.

³ Вот что писал один из деятелей театрального отдела Пролеткульта П. М. Керженцев: «Мы отказываемся от буржуазного принципа, согласно которому истинное творчество должно совершаться в тайниках кабинетов и репетиционных залах, закрытых для непосвященных» См.: Керженцев П. Творческий театр. М.–Пг., 1923. С. 90–91.

⁴ См.: Уэллс Г. Указ. соч. С. 36.

⁵ Обухова Н. Незабываемые дни // Советская музыка. 1957. № 11. С. 27.

невзгодами, всерьез делается большое литературное дело, которое немислимо сейчас ни в богатой Англии, ни в богатой Америке»¹. И далее Г. Уэллс продолжает: «В голодающей России сотни людей работают над переводами, их переводы набираются и печатаются, и, быть может, благодаря этому новая Россия так глубоко ознакомится с сокровищницей мировой мысли, что оставит позади все другие народы»².

Революция и культура: разрушение и сохранение

Такой была одна – созидательная – сторона взаимодействия социалистических интенций и культуры. Но была и другая.

Правда истории и логика исследования противоречий генезиса советской культуры требует исследования и его «обратной стороны», связанной с разрушением культурных ценностей и репрессиями по отношению к деятелям культуры в первый революционный период. Стихийный вандализм революционных масс, кстати, никогда не был настолько массовым, как его обычно представляют сегодня, вменяя это в вину уже не столько идеологам «Совдепии», сколько самой социалистической идее. И все же следует отметить, что наряду с объективной заинтересованностью революционных масс в культуре одновременно проявлялось и вандалистское отношение к ней, и с этим требуется разобраться отдельно.

Во-первых, не надо забывать, что последующий после октябрьских событий 1917 г. революционный взрыв, реально вызванный накалом классового противостояния, происходил в форме Гражданской войны, усиленной интервенцией против революционной России. И уже в этой экстремальной ситуации, как отмечал Л. Троцкий, ни белые, ни красные войска не склонны были очень заботиться об исторических усадьбах, провинциальных кремлях или старинных церквях, что вызывало постоянные конфликты между военным ведомством и управлениями музеев³.

Культурные же «издержки» любой войны (например, Первой мировой войны, развязанной весьма «цивилизованными» европейскими государствами, в большинстве из которых господствовали рынок и демократия) оборачиваются большими и неизбежными потерями.

Во-вторых, чаще всего это было проявлением не просто примитивного вандализма, как это принято считать сегодня, но за этим стояло разрушение лишь той части культуры, которая либо выступала инструментом подавления низов, либо была срощена с идеологическими символами прежнего режима.

А. Блок писал в 1918 г.: «Почему дырявят древний собор? – Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой. Почему гадят в любезных сердцу милых усадьбах? – Потому, что там насиловали и пороли девок, не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? – Потому, что сто лет под

¹ Уэллс Г. Указ. соч. С. 46.

² Там же.

³ См. Троцкий Л. Указ. соч. С. 81.

их развесистыми липами и кленами господ показывали свою власть: тыкали в нос нищему – мощной, а дураку – образованностью. Все так. Я знаю, что говорю»¹.

В-третьих, любая революция наряду с пафосом культурного созидания и идеей качественного обновления мира неизбежно несет в себе и разрушение. Понимание всей диалектики этого трагического противоречия, дается не просто даже для понимания творческого марксиста². Еще сложнее реализовать эту диалектику на практике.

В любом случае, следует признать, что законы творческого преобразования действительности в определенной степени сопоставимы с законами изменения мира культуры. Как писал Б. Эйхенбаум, крутые исторические переломы, в какой бы области культуры они ни совершались, никогда не исчерпывают себя в реформах, и потому навстречу «мирным» попыткам эволюции встает стихия революционная, пафос которой – в разрушении старых форм и традиций³.

И, наконец, *в-четвертых*, надо признать, что в эти годы не обошлось и без актов откровенного вандализма. Социалистический идеал и практика социалистического строительства в нашей истории оказались далеко не тождественны (и насколько такое тождество в исторической практике возможно в принципе?).

Здесь следует различать сознательное разрушение культуры бюрократией «сверху» и стихийный вандализм, возникавший (особенно в первые годы революции) «снизу». Если первый был следствием вырождения социалистических интенций, то стихийный вандализм, шедший снизу, имел несколько иную природу: он возникал из того противоречия, когда народ, создавая «материальное тело» культуры, а иногда и ее «душу», как правило, оставался отчужденным от нее. Накапливавшаяся в этих условиях отстраненность эксплуатируемых от мира «высокой культуры», если и находила свое выражение, то, как правило, в отчужденных формах.

А разве могло быть по-другому? В условиях дореволюционного формально-полицейского порядка любые интенции разрушения или протеста со стороны эксплуатируемых подавлялись, а в условиях устранения этого порядка они проявились во всей своей неводержанности. Но ведь если бы не было этого отчужденного отношения к культуре, выражающегося подчас в формах вандализма, то тогда и актуальность культурной революции оказалась бы под сомнением – можно было бы обойтись просто культурными реформами. Историческая заслуга большевиков как раз в том и состояла, что они сумели перевести всю ярость и

¹ Блок А. Соч.: В 2 тт. Т. II. М., 1955. С. 224.

² Хорошо известен факт, что А. В. Луначарский, под влиянием слухов о разрушении культурных ценностей, подал заявление об отставке, но СНК не принял его. Дальнейшая история показала всю диалектичность и тех сожалений о разрушении памятников культуры, которые высказывал Луначарский, и тех надежд (которым суждено было сбыться, но лишь частично и трагической ценой), которые были характерны для Ленина.

³ Эйхенбаум Б. Анна Ахматова // Эйхенбаум Б. О поэзии. Л., 1969. С. 81–82.

агрессивность отчужденного отношения в энергию социального преобразования, а снятие культурного отчуждения сделать одной из главных задач революции.

На принципиальном же уровне советская система не только объективно, но и субъективно была заинтересована в сохранении и развитии культурного наследства. Вот лишь некоторые примеры.

28 октября (10 ноября) Военно-революционный комитет назначает своих комендантов в Смольный институт, Зимний, Таврический, Мариинский дворцы и в Эрмитаж¹

Так, например, не ранее 27 октября (9 ноября) 1917 г. сообщается, что во всех государственных театрах установлены караулы из частей Петроградского гарнизона для сохранения порядка во время спектаклей и охраны театрального имущества².

Уже 23 декабря 1917 г. в «Известиях ЦИК» было опубликовано постановление народного комиссариата имуществ республики об управлении имуществом дворцов, согласно которому все дела, связанные с разрешением вопросов, имеющих художественное или историческое значение, рассматривались при участии специальных художественных комиссий³.

19 сентября 1918 г. выходит Декрет СНК «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения»⁴.

В мае 1918 г. создается Комиссия по сохранению и раскрытию памятников живописи в России под руководством И. Э. Грабаря⁵

Практика 20-х гг. показала тенденции взаимного притяжения социалистических и «культурнических» тенденций. Другое дело, что это содержание в практике реального «социализма» в СССР существовало не только в прогрессивных, но и в своих превращенных формах (например, сталинщины и суловщины). Для соединения идей социализма и культуры большевиками делалось очень многое, и в первую очередь все то, что было связано с сохранением культурных ценностей. Обратимся вновь к свидетельствам Г. Уэллса: «Чтобы надежнее обеспечить сохранность ценностей, Экспертная комиссия собрала и взяла на учет все, все, что может считаться произведением искусства»⁶. И далее: «Мы заметили, что в особняках для правительственных гостей и в других подобных местах все строго инвентаризировано»⁷.

¹ Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы: В 3 тт. (далее – Петроградский ВРК) Т. 1. М., 1966. С. 221 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 19.

² Там же. С. 205.

³ См.: Известия ЦИК. 23 декабря 1917 г. С. 5 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 28.

⁴ Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 352–354

⁵ См. Грабарь И. Э. О древнерусском искусстве. Исследования, реставрация и охрана памятников. М., 1966. С. 10.

⁶ Уэллс Г. Указ. соч. С. 49.

⁷ Там же. С. 48–49.

В книге «Подвиг Эрмитажа» (С. Варшавский и В. Рест) описывается, как в ночь падения Временного правительства по решению штаба Красной гвардии на основе обращения одного из чиновников дворцового ведомства Эрмитажа красногвардейцы на всякий случай забаррикадировали проход из Зимнего в Эрмитаж, под которыми находились огромные винные подвалы. В Петрограде начались винные погромы. С целью предотвращения такого Ленин призывал с помощью красногвардейских отрядов и балтийских матросов подвалы, заставленные тысячами бочонков и сотнями тысяч винных бутылок и, в сущности, представляющие собой пороховой погреб, очистить. И это было осуществлено: содержимое было выпущено на пол, в подвалы накачана вода, и все вместе было спущено в Неву¹.

В связи с этим А. В. Луначарский приводит одно свидетельство: «...и я помню одного солдата – павловца, который подобно другим часовым не утерпел, чтобы не хлебнуть винца, сотни тысяч бутылок которого он стерег. А потом, извиняясь, он говорил мне: “Поставьте меня у открытого ящика с золотом – не трону, а около вина стоять никак невозможно... Несмотря на все это, мы сумели выйти с честью из тогдашней опасности”»².

Установка большевиков на сохранение культурного наследия подтверждается, в частности, в воспоминаниях одного из эмигрантов-антисоветчиков А. Терне: «Музейное дело развито шире, ибо большевики свозят в музеи все награбленные в буржуйских квартирах предметы искусства, поскольку таковые не прилипают по дороге к рукам чекистов... Все музеи и картинные галереи открыты ежедневно и обычно полны публикой»³.

Культурная революция: успехи и сложности

Итак, социалистическая революция, вытолкнув массы из вшивых окопов и жалких жилищ, а культуру – из высокомерных салонов на площади, задала вектор их встречного движения. Это явилось *второй тенденцией*, порожденной социальным творчеством 20-х годов (о первой тенденции – встречном движении социалистической идеологии и идеала – мы говорили в начале статьи).

Порожденная революцией 1917 г., правда, пока еще не собственно культурная, но уже *социальная востребованность в культуре* у необразованных революционных масс стала главной причиной развертывания культурной революции «снизу». Вслед за вспыхнувшим политическим Октябрем 1917-го начинал подниматься «Культурный Октябрь» 20-х – начала 30-х гг.

«Сверху» она оказалась востребована как в силу программных устремлений качественного обновления самих основ общественной системы, так и в силу

¹ См.: Симонов К. На полях старых документов // К. Симонов. Сегодня и давно. М., 1978. С. 75–76.

² Луначарский А. В. Мир обновляется. М., 1989. С. 143.

³ Терне А. В царстве Ленина: очерки современной жизни в РСФСР. Берлин, 1922. С. 138–139.

практических требований экономики (необходимость наличия квалифицированных кадров для индустриализации и т.п.). В первую очередь это коснулось вопросов образования, решение которых осуществлялось как государством, так и обществом. «Образование должно было быть главным политическим инструментом реконструкции», – пишет Джон Хэйнс. – «Но для большевиков образование не заканчивалось преподаванием в школе, грамотностью и умением считать. Большевики определяли образование в самом широком смысле»¹.

Как обстояло дело с этим вопросом до революции, нетрудно понять хотя бы из нижеприведенных данных. Так, например, в соответствии с данными автора известного толкового словаря В. И. Даля в дореформенной России (1851 г.) в 9 волостях на 9 начальных школ (в которых числился всего 191 школьник, и это из 80 тыс. жителей) приходилась 81 церковь. То есть из 400 человек учился только один, при этом на 1 школу приходилось 9 церквей. Неудивительно, что В. И. Даль требовал светского обучения². К началу XX в. ситуация изменилась в лучшую сторону, но не кардинально. В 1907 г. на все народное образование из государственного казначейства было отпущено 101,43 млн. руб., в то время как на содержание церковного аппарата – 34,8 млн. руб., на содержание царской семьи – 17 млн. руб., на расходы по подготовке войны – 442 млн. руб³. К 1913 г. более 75% населения России оставалось неграмотным. В 1914 г. в России (на 180 млн. жителей) насчитывалось 101917 начальных, 1654 – неполных средних и 1953 средних школ. Около 4/5 детей и подростков было лишено образования⁴.

После Первой мировой и гражданской войн ситуация с образованием стала еще хуже. Наиболее активно борьба с неграмотностью развернулась с началом нэпа, но еще раньше (26 декабря 1919 г.) был издан Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», который обязывал всех граждан от 8 до 50 лет обучаться грамоте⁵. При Народном комиссариате просвещения была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности. Положение было крайне тяжелым, в чем нетрудно убедиться, глядя на нижеприведенные цифры.

- За первую половину 1920 г. органы Наркомпроса получили для распределения среди учащихся в среднем 1 карандаш на 60 учеников, 1 перо на 22, 1 ручку на 12, 1 чернильницу на 100 учеников⁶.

- Для неграмотных взрослых был издан букварь (4,5 млн. экз. на русском и 2 млн. – на национальных языках)⁷.

¹ Haynes J. *New Soviet man. Gender and masculinity in Stalinist Soviet cinema*. Manchester University Press. Manchester and New York, 2003. P. 156.

² См.: ЦГИА, ф. 515, оп.72, д. 5739, л.1.

³ Грекулов Е. Ф. *Православная церковь – враг просвещения*. М., 1962. С. 8.

⁴ См.: *Народное хозяйство в цифрах: Статистический справочник*. М., 1925. С. 50.

⁵ *Декреты Советской власти*. Т. IV. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. М., 1968. С. 194 – 196.

⁶ Ким М. П. *40 лет Советской культуры*. М., 1957. С. 59.

⁷ Там же. С. 195 – 196.

Но даже в этих условиях кампания по ликвидации безграмотности добивалась немалых результатов, о чем свидетельствуют следующие документальные данные, показывающие, как менялась система образования в новой России по сравнению с дореволюционным положением.

- За один год Советской власти в 20 центральных губерниях страны сеть начальных школ выросла на 3011, а число учащихся на 204382¹.

Если в дореволюционной России было 16316 культурно-просветительных учреждений (в данном случае не рассматривается ни социальный характер заведения, ни его качество), то в 1919 г. (и это период гражданской войны, голода и разрухи, когда Советская власть контролирует только половину России) их стало 90970, а в 1920 г. – уже 94745².

Результаты деятельности большевиков в деле ликвидации безграмотности дали себя знать: менее чем через 20 лет культурной революции 81,2% населения страны стало грамотным. *«Образование и культурные стандарты были значительно улучшены в течение советского периода. И это сопровождалось сильным стремлением к новому опыту, к прорыву в человеческие условия»,* – так оценивал практику революционного преобразования в культуре СССР М. Мак-Коули³.

В период развертывания новой образовательной политики разрабатывалась и ее парадигма, главными принципами которой были, прежде всего: 1) светскость, 2) широкое самоуправление, 3) бесплатность, 4) ориентация на производственную практику, 5) создание новой рабоче-крестьянской интеллигенции.

Надо сказать, что в этот период новая система имела и свои недостатки, среди которых особенно заметны были следующие: *громоздкость аппарата управления; бюрократизация деятельности ряда государственных структур; перегибы с политизацией и идеологизацией образования; недостаток высококвалифицированных педагогических кадров; слабое материальное обеспечение.*

И, тем не менее, значимость и успехи культурной революции большевиков были признаны многими, в том числе и западными исследователями. Вот что, в частности, об этом пишет Роджер Петибридж (*R. Pethybridge. The Social Prelude to Stalinism*): *«В течение 22 лет Советское правительство подтянуло свой народ до уровня грамотности большинства западноевропейских стран в конце XIX столетия. В Британии, Франции и Германии подобного успеха удалось добиться по меньшей мере за сто лет»*⁴. Подобную оценку дает и Г. Уэллс: *«И хотя я был исполнен предубеждения и недоверия, теперь мне приходится признать, что в*

¹ Там же. С. 191.

² См.: Народное просвещение. 1920. № 3. С. 3.

³ McCauley M. The Soviet Union: 1917 – 1991. Second edition. London and New York: Longman, 1993. P. 305.

⁴ Цит по: О'Коннор Т. Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М., 1992. С. 161.

условиях величайших трудностей большевики сумели поднять дело просвещения на поразительную высоту»¹. И далее он продолжает: «В осажденной, голодающей стране большевики из принципа сделали то, что всякое другое правительство сделало бы по необходимости»².

Развитие встречного движения революционных масс и культуры привело не только к тому, что для трудящихся начали открываться ее новые и неотчужденные смыслы. Одновременно с этим начался процесс освобождения и самой культуры от прежних социальных ограничений, теперь она становится доступной и открытой.

В это время разрабатываются проекты создания новых музеев: Восточного искусства, Русского народного искусства, Старинного европейского искусства, Музея церковного искусства и др.³ Вся система культуры в этот период имеет не только государственную, но и общественную поддержку от местных Советов и их исполкомов, органов местного самоуправления (сельских обществ, волостных и земских управ, общественных советов, трудовых коллективов фабрик и заводов и т.д.).

И действительно, огромные творческие преобразования происходили в этот период и в сфере культуры и в частности, в науке. Вот лишь некоторые примеры этого.

- Май 1918 г. Петроград. Начинают работать первые, созданные после Октября, академические институты: физико-химического анализа (во главе с академиком Н. С. Курнаковым) и платиновый (во главе с профессором Л. А. Чугаевым)⁴.
- 15 ноября 1918 г. Петроград. Учреждается Институт живого слова⁵.
- 15 декабря 1918 г. Петроград. Коллегия Наркомпроса принимает решение о создании Оптического (ГОИ) и Керамического государственных институтов⁶.
- Январь 1919 г. Петроград. Начинает работать Государственный рентгенологический и радиологический институт (директор М. И. Неменов)⁷.
- 6 мая 1919 г. Учреждается Российский научно-химический институт в Москве⁸.
- 18 июня 1919 г. Учреждается Государственный гидрологический институт⁹.

¹ Уэллс Г. Указ. соч. С. 81.

² Там же. С. 77.

³ Искусство. 1918. № 8 (4). С. 26.

⁴ Организация науки в первые годы Советской власти (1917 – 1925). Сборник документов. Л., 1968. С. 7, 132, 139.

⁵ Временник театрального отдела Народного комиссариата по просвещению. Вып. 1. С. 13–16; Вып. 2. Пг.–М., 1919, февраль. С. 58. // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 92.

⁶ Организация науки в первые годы Советской власти. С. 146, 153.

⁷ Там же. С. 240.

⁸ Там же. С. 262, 264 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 137.

⁹ Там же. С. 163 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 142.

- Январь 1920 г. При Оптическом институте начинает работать Атомная комиссия в составе Д. С. Рождественского, А. Н. Крылова, А. Ф. Иоффе и других¹.
 - 10 марта 1921 г. СНК учреждает декрет о плавучем Морском институте для всестороннего планомерного исследования северных морей².
 - 16 января 1922 г. Научно-техническая секция ГУС принимает решение об учреждении Государственного радиового института во главе с академиком В. И. Вернадским³.
 - 17 сентября 1922 г. Торжественное открытие Государственного института театрального искусства (ГИТИС)⁴.
 - 16 февраля 1920 г. КЕПС создает особый комитет для порайонного исследования и описания естественных богатств страны. Председатель комитета – академик А. Е. Ферсман⁵.
 - 2 декабря 1918 г. Петроград. На заседании КЕПС обсуждается вопрос об организации научных экспедиций для обследования залива Кара-Богаз-Гол и калиевых месторождений Соликамского края⁶.
 - 30 ноября 1921 г. Петроград. Радиевый завод, организованный Академией наук, получает первые высокоактивные препараты радия из отечественного сырья⁷.
- А вот ряд других примеров, показывающих разнообразный спектр направлений деятельности большевиков в области культурного строительства.
- 6 мая 1918 г. Петроград. Открывается вторая выставка картин общества имени А. И. Куинджи. Экспонируются 385 произведений 55 художников⁸.
 - 30 мая 1918 г. Постановление СНК «О запрещении вывоза за границу картины Боттичелли (тондо)», принадлежавшей кн. Е. П. Мещерской. Картина «Мадонна с младенцем» художника школы Боттичелли была передана в Румянцевский музей, позднее – в музей изобразительных искусств⁹.
 - 1 августа 1918 г. Москва. Постановление коллегии Наркомпроса о выдаче средств собирательнице русских народных песен А. И. Третьяковой на организацию фольклорной экспедиции¹⁰.

¹ Вестник Академии наук СССР. 1967. № 11. С. 26 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 174.

² Известия ВЦИК. 16 марта 1921 г. С. 3 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 261.

³ Организация науки в годы Советской власти. С. 9, 171.

⁴ Правда. 20 сентября 1922 г. С. 6 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 369.

⁵ Наука и ее работники. Пг., 1921. № 2. С. 36 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 177.

⁶ Организация науки в первые годы Советской власти. С. 178–179.

⁷ Вестник Академии наук СССР. 1967. № 11. С. 30 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 309.

⁸ Выставки изобразительного искусства. Справочник. Т. 1. (1917 – 1932). М., 1965. С. 52.

⁹ Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 604.

¹⁰ «Музыкальная жизнь Москвы в первые годы после Октября. Октябрь 1917 – 1920. Хроника, документы, материалы. М., 1972. С. 84.

- 6 августа 1918 г. Москва. Публикуется постановление школьно-санитарного отдела Наркомпроса «О горячих завтраках в школах»¹.
- 20 августа 1918 г. А. М. Горький, А. Н. Тихонов, З. И. Гржебин и И. П. Ладыхников заключают между собой договор об организации издательства «Всемирная литература»².
- 5 октября 1918 г. Выходит Постановление СНК «Об отпуске 5 млн. руб. Наркомпросу и о запрещении продажи школам и просветительным организациям учебников на коммерческих началах»³.
- 17 ноября 1918 г. Петроград. Торжественное открытие памятника Гейне у здания Петроградского университета⁴.
- 29 июля 1919 г. Москва. Декрет СНК «Об отмене права частной собственности на архивы русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящиеся в библиотеках и музеях»⁵.
- 22 декабря 1919 г. В. И. Ленин вносит предложение о разработке в короткий срок инструкции об использовании церковных помещений под школы⁶.
- Петроград. 13 апреля – 29 июня 1919 г. В 17 залах Дворца искусств (бывший Зимний дворец) работает первая государственная свободная выставка произведений искусства. Представлено 1826 картин 299 художников⁷.
- 13 августа 1922 г. А. В. Луначарский получил подлинник дела Отдельного Кавказского корпуса за 1841 г. об убийстве на дуэли М. Ю. Лермонтова. Материал доставлен начальником политотдела Отдельной Кавказской Армии т. Лисовским, купившим документы из частных рук⁸.
- 29 июня 1920 г. Ленин пишет записку Е. А. Преображенскому в секретариат ЦК РКП(б) по вопросу об издании переводов лучших новых экономических работ и сочинений материалистов XVII – XVIII вв.⁹
- 21 августа 1924 г. В день столетия ссылки А. С. Пушкина в селе Михайловское открыт Пушкинский заповедник¹⁰.

¹ Известия ВЦИК. 6 августа 1918 г. С. 4 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 70.

² А. М. Горький – организатор издательства «Всемирная литература» (1918–1921) // Исторический архив. 1958. № 2. С. 71 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 73.

³ Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 82.

⁴ Правда. 19 ноября 1918 г. С. 3 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 92.

⁵ Декреты Советской власти. Т. V. 1 апреля – 31 июля 1919 г. М., 1971. С. 412.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 462; Т. 51. С. 98.

⁷ Выставки советского изобразительного искусства. Т. I. С. 46 – 47.

⁸ Правда. 13 августа 1922 г. С. 5 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 362.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 229.

¹⁰ Правда. 26 августа 1924 г. С. 3 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 515.

- 18 сентября 1924 г. Впервые за 100 лет существования Публичной библиотеки производится ее полная художественная реставрация¹.

Содержание, новизна, темпы и результаты культурных преобразований, проводимых большевиками в 20-е гг., – все это обращает на себя внимание и со стороны мировой культурной общественности. Вот лишь некоторые примеры.

- 23 июня 1922 г. Вернувшись из Флоренции, организаторы русского отдела на международной книжной выставке И. И. Ионов и И. Д. Галактионов свидетельствуют о большом успехе отдела, ставшего центральным местом выставки. (7 мая 1922 г. открылась выставка). Советская Россия получила приглашение участвовать в Международном книжном комитете по восстановлению международной книжной торговли и обмена изданиями².

- Ранее 15 февраля 1923 г. Устанавливаются связи с Международной конфедерацией музыкантов (Брюссель)³.

- 14 апреля 1923 г. Директор Петроградской консерватории А. К. Глазунов избран почетным членом Берлинской академии наук⁴.

- 26 июня 1923 г. Публикуются письма известного германского дирижера Густава Брехера, гастролировавшего в Москве, наркому просвещения А. В. Луначарскому и Государственному институту музыкальной науки, в которых выражается восхищение высоким уровнем художественной жизни в Советской России⁵.

- 9 ноября 1923 г. Издательские и научные организации Франции возбудили вопрос об устройстве в России выставки французской научной книги⁶.

- 12 ноября 1923 г. Альберт Эйнштейн по радиотелефону приветствует Советскую Россию⁷.

- 8 декабря 1923 г. Мария Склодовская-Кюри высказала пожелание ознакомиться с работами советских ученых Рентгенологического и Радиологического институтов⁸.

- 22 июля 1924 г. Иностранная печать отмечает большой успех советских экспонатов книг, представленных на международных выставках книги: дважды в Лейпциге, а также в Вене, Праге, Гельсингфорсе⁹.

¹ Известия ВЦИК. 18 сентября 1924 г. С. 2 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 518.

² Известия ВЦИК. 23 июня 1922 г. С. 6 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 352.

³ Известия ВЦИК. 15 февраля 1923 г. С. 4 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 406.

⁴ Известия ВЦИК. 14 апреля 1923 г. С. 4 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 421.

⁵ Известия ВЦИК. 26 июня 1923 г. С. 5 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 437.

⁶ Правда. 9 ноября 1923 г. С. 3 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 459.

⁷ Правда. 14 ноября 1923 г. С. 3 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 460.

⁸ Правда. 8 декабря 1923 г. С. 4 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 466.

⁹ Правда. 22 июля 1924 г. С. 8 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 510.

- 17 января 1925 г. Французские ученые (Ж. Ренар, П. Буайе, Ж. Легра, А. Олар и др.) приветствуют русскую науку в лице члена-корреспондента Российской Академии наук Е. В. Тарле¹.

- 7 июля 1925 г. Сообщается о приезде директора Метрополитен-музея искусств в Нью-Йорке профессора Башфорта Дина для ведения переговоров о культурном обмене², а также членов Скандинавского музейного конгресса. Цель приезда – осмотр и изучение ленинградских музеев³.

- 3 сентября 1925 г. В Брюсселе конгресс Парижского Интернационала работников просвещения признал большие заслуги советской школы в деле воспитания подрастающего поколения⁴.

- 15 июня 1926 г. Член-корреспондент Е. В. Тарле избирается действительным членом Нью-Йоркской Академии наук⁵.

В любом случае – результаты культурной революции большевиков были настолько заметными, что это отмечали даже те, кто активно боролся против власти Советов, например, известный идейный лидер монархизма В. Шульгин⁶.

Конечно, создать новую систему культуры с ее социальным и экономическим механизмом функционирования, причем не в отрыве от прошлой практики, а пытаясь сохранить ее прежние достижения – дело чрезвычайно непростое, особенно поначалу: трудности гражданской войны и разрухи, противоречия между ростками социального творчества и бюрократизма и т. д.

Но хотелось бы подчеркнуть, что автор во всех вышеназванных примерах был намеренно несколько односторонен. В данном случае это продиктовано не стремлением к идеализации советской системы, в которой противоречия между прогрессивными и негативными тенденциями обретали острейший и зачастую трагический характер, а целенаправленным абстрагированием, выделением ростков новых, специфических черт культуры, вызванных к жизни реальными процессами социального творчества масс.

¹ Известия ВЦИК. 17 января 1925 г. С. 3 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 542.

² Известия ВЦИК. 7 июля 1925 г. С. 3 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 575.

³ Известия ВЦИК. 8 июля 1925 г. С. 3 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 575.

⁴ Известия ВЦИК. 5 сентября 1925 г. С. 5 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 581.

⁵ Известия ВЦИК. 15 июня 1926 г. С. 1 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 637.

⁶ После своего посещения советской России зимой 1925–1926 гг. в своей книге «Три столицы» он писал о своих впечатлениях следующее: *«Уже сейчас мне было ясно: Россия встает... Я ожидал увидеть вымирающий русский народ, а вижу, несомненно, его воскресение... Я думал, что еду в умирающую страну, а вижу пробуждение мощного народа. ...Когда я шел туда, у меня не было родины. Сейчас она у меня есть»*. Цит. по: Владимиров В. О книге «Годы» и ее авторе // Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 11.

И все же, говоря об успехах культурных преобразований 20-х гг., нельзя не сказать и о глубоких противоречиях этого процесса, вызывающих волну широких общественных дискуссий, оставивших свой след на страницах многих журналов¹.

Наряду с внутренними противоречиями, характеризовавшими природу этого низового творчества, для этой социально-культурной революции были характерны и жесткие внешние ограничения, связанные с господством определенной политической системы, которая задавала рамки этому творчеству. Политизация и бюрократизация культурно-творческого процесса порождали жестокие и мучительные конфликты в культурной среде. *«Едва ли не самое сильное впечатление, которое вызывает в ретроспективе художественная жизнь страны первых лет Октября»*, – отмечает А.И. Морозов, – *«это ее агрессивнейшая политизация. Именем пролетарской революции произносят свои инвективы в адрес инакомыслящих члены всевозможных групп и объединений»*².

Действительно, трудно не согласиться с тем, что период 20-х гг. отличался высокой степенью политизации всех сфер жизни. Новый субъект истории стремился не только к осмыслению идеи своего общественного бытия, но и к практическому созданию его новых конкретных социальных форм. Поэтому, конечно, этот субъект был очень активен, но его политика – яркая и экспериментальная – решала вопрос не столько властных отношений, сколько культурного содержания новых общественных отношений. Вот почему массовая политика 20-х гг. осуществлялась как культурная революция, огромное значение которой признается даже теми, кто не принял социальной революции в целом.

Действительно, острота общественных противоречий в этот период, ошибки (а кто без них?) новой власти, необходимость идейного и политического самоопределения интеллигенции – все это в итоге приводило к отходу от советской власти ряда художников, ограничению их деятельности и, наконец, к отъезду из страны (здесь нельзя не вспомнить известный «философский пароход»).

Но в любом случае автор данной работы считает, что любая попытка редуцировать все эти сложные вопросы к простой и мифологемной дихотомии *«плохая власть – несчастный художник»* лишь спекулятивно камуфлирует всю остроту противоречий, стоящих за этими проблемами и требующих своего глубокого диалектического анализа.

Революция заставила едва ли не каждого если и не включаться прямо в политику, то в любом случае позиционировать себя в этой новой реальности. Не случайно противостояние и борьба идей так жестко, выразительно и откровенно в этот период разворачиваются не только в сфере политики, но и в сфере культуры, проявляясь, в частности, как борьба разных художественных течений и подходов. Здесь можно вспомнить тот общественный резонанс, который вызвала поэма

¹ См.: Культура и жизнь, 1922. № 2–3. С. 65; Вестник работников искусств. 1920. № 2–3. С. 33.

² Морозов А. И. Конец утопии. М., 1995. С. 12.

А. Блока «Двенадцать» (январь 1918 г.), в результате чего поэт получил жесткую обструкцию со стороны своих братьев по цеху символистов.

Другой интересный пример связан с полемикой, вызванный в театральных кругах экспериментами В. Мейерхольда¹. И в этих спорах разделение и разведение борющихся сторон на «белых» и «красных» уже не исчерпывает и не объясняет всей сложности идущей в культурном сообществе полемики, кстати, не менее жесткой, чем в политике.

Анализируя период 20-х гг., следует отметить, что при всем богатстве его исторических, политических и культурных противоречий наиболее сильным и определяющим общественную драматургию этого времени является противоречие не между властью и «низами», а между принципом непосредственно **субъектного бытия** индивида и принципом **опосредованного пребывания в Истории и Культуре** (через партию, бога, героя).

Мера разрешения этого противоречия и определяла меру подлинной революционности и развития, как культуры, так и общества. Дальнейший ход исторического развития советской системы привел к тому, что к концу 30-х гг. началось постепенное вырождение социально-творческих интенций общества, которые оказались подчинены бюрократическому диктату сталинизма, сопровождавшемуся массовым насилием – и в первую очередь по отношению не столько к интеллигенции (как это у нас принято считать сегодня), сколько к тому, кто наиболее ярко воплощал в себе субъекта революционной истории и культуры.

Большевики и художник: миф и правда

Пробивавшийся сквозь тяжелые экономические условия дух революционного общественного обновления, видимо, заражал и самих художников, вызывая у них не только художественное, но, может быть, с еще большей силой – социальное вдохновение, потребность самим участвовать в формировании общественной культурной политики.

Отвечая на вопрос анкеты газеты «Эхо»: «Может ли интеллигенция работать с большевиками», А. Блок писал: «Может и обязана... Интеллигенция всегда была революционна. Декреты большевиков – это символы интеллигенции»².

При этом, конечно же, ответ великого поэта отнюдь не исчерпывает всей сложности проблемы взаимодействия художника и власти. Вопрос взаимоотношений власти и интеллигенции – особый вопрос, имевший и свою историческую традицию, и драму взаимных упреков. «Великие вожди Революции в принципе никогда не

¹ «Опять мне больно все, что касается Мейерхольда», – писал А. Блок, – «мне неудержимо нравится «здоровый реализм» Станиславского и Музыкальная драма. Все, что получаю от театра, я получаю оттуда, а в Мейерхольдии – тужусь и вяну. Почему-то они меня любят? За прошлое и за настоящее, боюсь, что не за будущее, не за то, чего хочу...». См.: Блок А. 1914. Записные книжки // Русские писатели о литературном труде. Л., 1956. Т. 4. С. 269.

² Блок А. А. Собр. соч. М. – Л., 1963. Т. 6. С. 8 (январь 1918).

жаловали интеллигенцию, в том числе и художественную», – так оценивают эту связь сегодня многие из исследователей проблемы¹. И далее А. И. Морозов продолжает: «...насилие над творческой личностью имело свою высшую санкцию в социальной телеологии революции, а зачастую и в прямой воле революционной власти»².

Культура и революция – это отношение часто сводится к проблеме «интеллигенция и власть». Но, *во-первых*, социальная природа власти, впрочем, как и самой интеллигенции на разных этапах отечественной истории была разной, и потому говорить о ней следует не абстрактно, а в контексте ее исторического генезиса.

Во-вторых, власть Революции в своем первом представлении сама являлась творческой интеллигенцией в точном смысле этого слова (Н. Бухарин, В. Воровский, Ф. Дзержинский, А. Коллонтай, Л. Красин, В. Куйбышев, Н. Крупская, А. Луначарский, Л. Троцкий, Г. Чичерин, В. Ульянов³ – все они были представителями именно этой социальной группы). Многочисленные научные и публицистические работы многих из них касаются различных аспектов экономики, социологии, политики, культуры и изучаются серьезными учеными, переведены на многие языки мира. Поэтому применительно к периоду 20-х гг. вопрос отношения власти и интеллигенции реально был вопросом взаимоотношения интеллигенции вне власти и интеллигенции, выражавшей интересы «человека с ружьем». Позже эта проблема трансформировалась в проблему взаимоотношения бюрократии и интеллигенции.

В-третьих, логику репрессий даже в сталинское лихолетье с тогдашним чудовищным уничтожением тех, кто свой талант, силу, культуру и, наконец, жизнь положил на служение обществу (о чем не следует никогда забывать), нельзя объяснить достаточно распространенной сегодня формулой: власть ненавидела интеллигенцию и потому так рьяно ее уничтожала. Это достаточно опасное, хотя и заманчивое упрощение всей природы сталинизма. Репрессии того периода в наибольшей степени затронули самих большевиков, во вторую очередь – работников внутренних дел и офицеров, в третью – крестьянство⁴. Репрессии против художественной интеллигенции были чудовищны (достаточно ознакомиться с результатами репрессий делегатов I-го съезда Союза писателей), но они были частью

¹ Морозов А. И. Конец утопии. М. 1995. С. 11.

² Там же.

³ Вот лишь два примера. С. М. Киров с 1909 по 1917 г. написал 1270 статей. Он рецензировал «Анну Каренину», многие пьесы Островского – «Бешеные деньги», «На всякого мудреца довольно простоты», «В чужом пиру похмелье», «Волки и овцы» и др., высоко ценил и пропагандировал творчество основоположника осетинской литературы Коста Хетагурова. В 1916 г. по совету Кирова его товарищ по революционному движению Асламбек Шерипов опубликовал ряд переводов чеченских легенд, отредактированных Кировым. См.: Мостиев Б. Революционер-журналист // Дружба народов. 1965. № 6. С. 235.

Другой пример: по сценарию А. В. Луначарского были поставлены фильмы «Медвежья свадьба», «Саламандра», «Яд».

⁴ См.: Роговин В. Партия расстрелянных. М., 1997. С. 184–207, 481–488 и др.

общего процесса расправы в первую очередь над теми, кто заявлял и проявлял свою субъектность в истории¹.

В-четвертых, интеллигенция на разных этапах также была разной. Известно, как интеллигенция в большинстве своем с воодушевлением встретила Февральскую, но не приняла Октябрьскую революцию. Причин для этого было много: установился качественно иной тип власти – «диктатура пролетариата». Каждое из составляющих этого понятия здесь было чуждо и враждебно интеллигенции по отдельности, а в своем соединении – тем более.

Но ведь в мире отчуждения, как правило, всегда господствует власть отчужденных форм: аристократии, бюрократии, капитала, рынка, однако к этим формам подчинения интеллигенция относится более терпимо, чем к власти пролетариата.

Ситуация первых революционных лет характеризуется, с одной стороны, развитием тенденции социального творчества «низов», с другой – открытым неприятием Октябрьской революции значительной частью интеллигенции. Это было вызвано целым рядом предпосылок, назовем лишь некоторые.

Во-первых, в связи с революцией изменился и субъект власти: вместо привычного чиновника теперь появился революционный матрос или солдат, в любом случае – тот, кто на вертикали социальной иерархии принадлежал к ее «низам», а теперь в своих правах уравнивался, в том числе, с интеллигенцией. Кстати, надо сказать, что интеллигенция внутри себя также имела социальную субординацию.

Во-вторых, противоречивость и сложность исторического контекста 20-х гг.: гражданская война; значительная часть деятелей культуры, добровольно или вынужденно эмигрировав, оказалась вообще «по ту сторону» от процессов, происходивших в России; множество представителей дореволюционной интеллигенции, оставшихся в нашей стране, обрели роль «буржуазных спецов» (если смогли избежать репрессий) и зачастую были отделены от ростков социального творчества, в то же время приобретая тесную связь с другой – насильственно-бюрократической – стороной новой власти.

В-третьих, к названным выше причинам следует добавить уже упомянутые крайне тяжелые общие условия жизни в стране, вызванные двумя войнами – мировой и гражданской (ответственность же за эти тяготы жизни, голод и разруху неслы, по мнению большей части интеллигенции, именно советская власть).

В-четвертых, революция вырвала интеллигенцию из привычной для нее социальной инфраструктуры: прежняя ломалась, а новая, находясь в начальной стадии формирования, в любом случае не могла заменить работавшую до этого систему. Привычные социальные формы жизнедеятельности интеллигенции распались, что усугубляло, в том числе, ее творческий кризис.

¹ См.: Приложение. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. 1934. М., 1990.

В-пятых, в 20-е гг. меняется социальная механика жизни, а значит, и ее привычный уклад. Теперь интеллигенту приходилось самому и, – что особенно важно, – практически включаться в те процессы общественного обустройства (либо позитивно – участвуя в созидании новых отношений, либо негативно – терпя притеснения от новой власти), которые ранее решались некими отчужденными от него механизмами, обеспечивая ему относительно (крестьянина и рабочего) привилегированное положение.

Но основной причиной неприятия большинством интеллигенции Октября 1917 г. являлось то, что интеллигенция, если и хотела перемен, то в любом случае не качественного обновления основ общественной системы, а лишь ее модернизации.

Свобода слова (конечно же, в первую очередь для себя) – едва ли не главное требование интеллигенции на исторических поворотах, что объясняется диалектикой ее двойственной общественной природы. В этом смысле Февральская революция чем-то похожа на советскую «перестройку», в частности, своим искренним демократическим пафосом, значительным общественным подъемом и даже своими лидерами (А. Ф. Керенский и М. С. Горбачев – эти два социал-демократа в смысле модели политического поведения, особенно на исторических поворотах, во многом скорее перекликающиеся, чем расходящиеся фигуры).

Возвращаясь к Октябрьской революции, надо сказать, что поначалу (октябрь 1917 – весна 1918 г.) большая часть интеллигенции отказывалась работать с властью.

Период с октября 1917 до весны 1918 г. отличался активным и пассивным саботажем со стороны интеллигенции. Например, на общем собрании членов Академии союза Петрограда 26 октября 1917 г. года был принят «Протест Академии союза» с призывом не поддерживать советскую власть¹. Другой пример: саботаж учителей с осени 1917 до весны 1918 г. привел к тому, что текущий учебный год реально для учеников был потерян.

Но уже в январе 1918 г. начались переговоры, иногда переходящие в деловой диалог, как это было, например, между Наркомпросом и той же Академией союза Петрограда. А уже с весны 1918 г. начали устанавливаться деловые отношения между органами власти и прежними структурами, а также отдельными ее представителями. Правда, в 1921–1922 гг., теперь уже в связи с нэпом, опять началось обострение этих отношений².

При этом надо иметь в виду, что экономическая и материальная ситуация в стране в этот период была крайне тяжелой.

Не имея материального подспорья, а также навыков самоорганизации в сфере налаживания быта, интеллигенция зачастую оказывалась в еще более тяжелом положении. Несмотря на это, правительство в центре стремилось взять на

¹ Иванова Л. В. Формирование советской научной интеллигенции. 1917 – 1927 гг. М, 1980. С. 23.

² Там же. С. 24.

себя ответственность за решение проблемы, связанной с материальной поддержкой ряда представителей научной и художественной интеллигенции.

Вот лишь несколько фактов.

- Москва. 26 апреля 1919 г. В. И. Ленин подписывает ученому и общественному деятелю В. И. Танееву охранную грамоту, которая предоставляет ему право посещать библиотеку СНК и другие государственные библиотеки. На основании постановления СНК ученому назначается пенсия¹.

- 4 мая 1919 г. Симферополь. Симферопольский военно-революционный комитет постановляет: объявить дом А. П. Чехова в Ялте национальным достоянием, назначить М. П. Чехову, сестру писателя, пожизненной хранительницей дома писателя с выплачиванием ей жалования².

- 30 марта 1918 г. Выходит Постановление СНК «О выдаче пенсии С. А. Толстой, об охране имения «Ясная Поляна» и утверждении за С. А. Толстой прав пожизненного пользования усадьбой»³.

- 24 января 1921 г. СНК принял постановление «Об условиях обеспечения научной работы академика И. П. Павлова и его сотрудников»⁴. В соответствии с его решениями специально созданной комиссии было поручено в кратчайшие сроки создать наиболее благоприятные условия для обеспечения научной работы академика И. П. Павлова; в лучшей типографии государственного издательства республики отпечатать труды академика за 20 лет; обеспечить ученого специальным пайком (он равнялся двум академическим пайкам по калорийности); предоставить профессору Павлову и его жене пожизненное использование квартиры и лаборатории.

- «Здесь (в Доме ученых – Л.Б.) мы увидели подлинный центр распределения особых пайков, где делается все возможное для удовлетворения нужд четырех тысяч ученых и их семей – в общей сложности приблизительно десяти тысяч человек», – писал Г. Уэллс⁵.

- Деятели искусств освобождаются от трудовой повинности по удостоверению, выданному соответствующими отделами⁶.

Вот что об отношении Советской власти к деятелям культуры в 20-е гг. зло, но искренне писал А. Терне: «Учитывая огромное психологическое значение зрелищ для народа, большевики на первых порах приняли театры под особое покровительство, создав им коммунальную няньку в лице Луначарского. Благодаря

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 383, 496.

² Культурная жизнь в СССР. С. 135.

³ Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 44.

⁴ Культурная жизнь в СССР. С. 249.

⁵ Уэллс Г. Указ. соч. С. 39.

⁶ См.: Искусство. 1918. № 8 (4). С. 27.

этому, артисты все время находятся в более благоприятных условиях, чем остальное население советской России, и этим обстоятельством объясняется, почему в Совдепии до последнего времени сохранилось много артистических сил»¹.

Но в целом материальное положение в этот период оставалось чрезвычайно трудным. *«Некоторые выдающиеся ученые и литераторы, с которыми я встречался, ходили без воротничков, обмотавшись шарфами, Горький носит единственный свой костюм»*², – вспоминал об этом Г. Уэллс. Тем не менее, большевистское правительство берет на себя ответственность за решение этой проблемы, связанной с материальной поддержкой интеллигенции, и 6 декабря 1921 г. выходит Декрет Совета Народных Комиссаров «Об улучшении быта ученых». Надо сказать, что идейная позиция ученого здесь не играла определяющей роли.

Первый нарком просвещения вспоминал, что В. И. Ленин не раз говорил ему: *«Крупного ученого, большого специалиста в той или иной области надо щадить до самой последней крайности, если даже он реакционер»*³.

Большевистское правительство пыталось решить проблему не только материальных условий интеллигенции, но и вопрос, связанный с возможностями ее творческой реализации. Именно поэтому оно занималось налаживанием системы научных и учебных заведений. Так, например, в самый разгар гражданской войны создаются театр Вахтангова, ТЮЗ, издательство «Всемирная литература».

И все же среди интеллигентов немало было и тех, кто все-таки принял новую власть, по крайней мере, в ее начальном проявлении. Почему? Что привлекло целый ряд деятелей культуры (В. Брюсова, Л. Собинова, В. Кандинского, И. Грабаря, А. Блока, В. Мейерхольда и многих других), сделавших себе имя еще до революции, побудило их пойти на диалог с Советской властью?

Посмотрим опять на некоторые факты.

- Март 1918 г. Петроград. А. Блок приступает к работе в Петроградском театральном отделе Наркомпроса в качестве председателя репертуарной секции⁴.
- Апрель 1918 г. Избирается Коллегия по делам изобразительных искусств, куда входят С. Коненков, А. Коровин, П. Кончаловский, В. Татлин, А. Шусев.
- Май 1918 г. Создается комиссия по сохранению и распространению памятников живописи в России под руководством И. Э. Грабаря⁵.
- Октябрь 1918 г. Одним из руководителей Свободных государственно-художественных мастерских назначен В. Кандинский⁶.

¹ Терне А. В царстве Ленина: очерки современной жизни в РСФСР. Берлин, 1922. С. 133.

² Уэллс Г. Указ. соч. С. 28.

³ Революция и культура. 1927. № 1. С. 205.

⁴ История русской советской литературы. 1917–1965. В 4 т. Т. I. 1917–1929. М., 1967. С. 692.

⁵ Грабарь И. О древнем русском искусстве. М., 1966. С. 10.

⁶ Искусство. 1919. № 2. С. 4.

- Январь 1919 г. В. Я. Брюсов утвержден в должности заведующего Московским отделом библиографического отдела Наркомпроса¹.
- Сентябрь 1921 г. В Москве открываются государственная библиотека, показательный литературный техникум. Среди профессоров: А. Белый, В. Я. Брюсов.
- Апрель 1923 г. Композитор А. К. Глазунов назначен директором Петроградской консерватории².
- 1925 г. В Ленинградском государственном институте истории искусств преподают Тынянов, Томашевский, Эйхенбаум, Жирмунский, Щерба, Виноградов, Ларин, Якубинский, Бернштейн³.

Кстати, не только художники, но и значительная часть специалистов в других областях со временем начали сотрудничать с Советской властью. Например, известнейший генерал А. А. Брусилов еще при жизни Ленина в 1920 г. вступил в Красную Армию и служил в центральном аппарате Народного комиссариата по военным делам, инспектировал кавалерию РККА и состоял для особо важных поручений при Реввоенсовете СССР⁴. В целом более трети офицеров прежней России вступили в Красную Армию. То же касалось массы инженеров, учителей, врачей.

Все эти факты (как и десятки тысяч других примеров, не приводимых в работе), сами по себе, быть может, случайные, в целом рисуют картину поддержки новой власти и, главное, ее культурной политики частью интеллигенции. Еще раз подчеркнем, что данные выводы относятся к первому периоду отношений Советской власти и интеллигенции. Несмотря на все сложности 20-х гг., дух социальных преобразований, в частности, в сфере культуры захватил и самого художника.

Одной из причин этого стала, *во-первых*, возможность самим выстраивать общественные отношения в художественной среде, хотя такие попытки возникали и до революции. *Во-вторых*, возможность соединиться с общественным течением, поднявшим к культуре низы общества (к чему подлинно демократическая интеллигенция всегда была равнодушна). *В-третьих*, сугубо гуманистический характер общественного идеала новой системы⁵ также находил отклик у части левой интеллигенции (а такой накануне 1917 г. в России было немало). Наконец, была еще одна причина: многие новаторы в искусстве стремились найти себя в новой общественной среде.

Не будем забывать, что в данном случае речь идет об отношении художников и Советской власти, характерном для периода 20-х гг., в сталинский период оно имело уже принципиально иной характер.

¹ Правда. 1919. 3 января. С. 3.

² См.: Известия ВЦИК. 14 апреля 1923 г. С. 4 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 421.

³ Гинзбург Л. Человек за письменным столом // Новый мир. 1982. № 6. С. 35.

⁴ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 184.

⁵ Идея *Нового человека* обсуждалась в общественных кругах задолго до октября 1917 года.

Сегодня в условиях отсутствия исторического подхода, не видящего различия и противоречий между основными этапами советской истории и под «одну гребенку» оценивающего каждый из них, все более востребованным становится мифологемный тип мышления, утверждающий применительно к интересующему нас вопросу одну абсолютную дихотомию: карательная власть и жертвенный художник. На самом деле этот вопрос слишком сложен, чтобы все богатство противоречий данного отношения ограничить вышеупомянутой дихотомией.

Что касается карательной агрессии большевиков в первый послереволюционный период, то следует напомнить следующее. В первые месяцы своего существования Советская власть даже не намеревалась создавать чрезвычайные карательные органы. В то время в стране действовали военно-революционные комитеты, которые ограничивались краткосрочными арестами и широко пользовались своим правом освобождать арестованных под честное слово¹. В действительности первый смертный приговор был приведен в исполнение ЧК лишь в феврале 1918 года над авантюристом, самозванным князем Эболи и его любовницей, занимавшимися грабежами².

Из приказа Президиума ВЧК от 17 декабря 1919 г.: «К аресту специалистов надо прибегать лишь тогда, когда установлено, что его работа направлена к свержению Советской власти. Арестовать же его лишь за то, что он бывший дворянин, что когда-то был работодателем и эксплуататором, нельзя, если он исправно работает»³.

11 сентября 1919 г. Москва. Политбюро ЦК РКП (б) обсуждает вопрос об арестах среди буржуазных интеллигентов. Избирается комиссия для пересмотра дел арестованных⁴.

«После революции 25 октября (7 ноября) 1917 года», – указывал Ленин, – «мы не закрывали даже буржуазных газет, и о терроре не было речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова»⁵.

И это в ситуации, в которой, по выражению одного из «вождей» буржуазной интеллигенции Бобрищева-Пушкина, *«вся доза свободы, которая была первоначально предоставлена интеллигенции»,* использовалась ею для того, *«что юридически называется стремлением к низвержению существующего государственного строя (= советской власти)»⁶.* И далее, заключает Бобрищев-Пушкин: *«Какое правительство потерпело бы это? А советское терпело долго»⁷.*

¹ Из истории ВЧК 1917–1921 гг. Сборник документов. М., 1958. С. 44.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 346.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 47, 385.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 113.

⁶ Смена вех. Сборник статей. Прага, 1921. С. 118.

⁷ Там же.

Советская универсальность: генезис и распад

Итак, порожденные Революцией два встречных движения: первое – социалистической идеологии и идеала и второе – революционных масс и культуры – пересеклись. Социальное творчество масс стало той центростремительной силой, которая связывала эти компоненты в некое целостное единство. В чем состояли противоречия этого единства и как они развивались – особая проблема. Важно другое – такое единство состоялось и, более того, стало основой зарождения *новой советской универсальности*. Зарождение, развитие и распад этой универсальности и определили логику жизни советской культуры.

Но целостность этого единства была недолгой: развитие сталинского бюрократизма стало сворачивать социальное творчество, и уже в начале 30-х гг. массовые общественные и культурные движения переводятся в режим функционирования формальных институтов.

Безусловно, процессы бюрократизации, объективно идущие из предшествующей системы самодержавия сопровождали и период зарождения советской системы. С самого начала эту проблему считали одной из наиболее опасных и лидеры советской власти¹, и ее сторонники, и ее враги. При этом первые и вторые видели в бюрократизме «пережиток прошлого», с которым можно и должно бороться, развивая участие трудящихся в управлении и повышая их культуру, тогда как последние видели в нем всего лишь проявление диктаторской сущности советской системы.

Начавшееся уже в середине 20-х гг. сворачивание социального творчества приводило к постепенному, но неизбежному распаду той целостности, которая складывалась на диалектической взаимосвязи социалистической идеологии и идеала,

¹ «Это было время, когда в наше учреждение бросилась масса авантюристов, людей не идейных, желающих нажиться и обдѣлывать свои делишки, пользуясь тем, что нельзя было наладить контроля», – писал Ф.Э. Дзержинский. И далее он продолжает: «...верхи наших служащих могут сыграть роль «песка, насыпанного» в коммунистическую машину». См.: Дзержинский Ф. Э. О деятельности ВЧК. Доклад на заседании ВЦИК 17 февраля 1919 г. // Избр. произв. М., 1977. С. 183.

Об этом же не раз предупреждал и В. И. Ленин: «На коммунистов, занимающих должность внизу иерархической лестницы, обратить особое внимание, ибо они часто важнее на деле, чем стоящие наверху». См: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 112–114.

О возрастающей бюрократической угрозе для социализма предупреждал и Я. М. Свердлов: «Поставленные на различные ответственные посты товарищи через несколько месяцев теряют живую связь с выдвинувшей их массой. Длительное выполнение одной особой работы лишает многих товарищей понимания общих задач, суживает их политический кругозор, порождает бюрократизм, местническую психологию. Бороться с последними явлениями возможно лишь путем организации живого обмена работников между центрами и глубокой провинцией». См.: Свердлов Я. М. Письмо ЦК РКП (б) комитетам, организациям российской коммунистической партии, всем членам партии от 8 февраля 1919 г. // Статьи и речи. Избр. произв. М., 1976. С. 272.

революционных масс и культуры. Неумолимость этого распада ознаменовалась многими явлениями в культуре, однако наиболее ярким свидетельством этого стало самоубийство В. Маяковского.

Какой же была дальнейшая эволюция каждой из составляющих этого распадающегося единства?

В 20-е гг. социалистическая идеология для большинства ее адептов была подлинным убеждением. Позже, уже в сталинский период, она постепенно превращалась в некий род веры. Наконец, в брежневский период идеология окончательно сводится к некому ритуалу и обряду. Круги начавшегося в те годы распада идут до сих пор, но это уже завершающая стадия процесса.

И действительно, в 20-е гг. для трудящихся истинность социалистической идеологии в каждый данный момент сопроверялась практикой личной вовлеченности и личного участия в живые процессы исторических перемен, личным опытом ошибок, противоречий и драм, и потому обретала форму убеждения. По мере усиления бюрократизма творческая энергия масс вытеснялась из социальной и культурной сфер в область материального производства (движение стахановцев, энтузиазм строителей первых пятилеток, которые со временем тоже были прихвачены «ржавчиной» бюрократизма). Критический момент здесь не в том, что социальное творчество переходило в сферу материального производства, – это как раз было позитивом, а в том, что оно уходило из социально-культурной области.

Возникающее отчуждение усиливалось еще и в силу того, что происходил разрыв процесса социального творчества: выработка идей выделялась как особая функция, которая закреплялась, причем даже не за партией, а за ее бюрократической верхушкой, а их реализация – за массами. Несмотря на то, что отношение к этому обстоятельству у разных представителей «верхов» было разным, в 30-е гг. эта тенденция набирала обороты. Как писал Т.Клифф: *«Изоляция Русской революции привела к бюрократической «грязи», поднимающейся наверх. Режим стал государственно-капиталистическим»*¹.

Но ведь природа социального творчества, впрочем, как любого творчества вообще, как раз и строится на неразъемности этих функций – в противоположном случае происходит размывание его внутренней целостности, а значит и целостности самого его субъекта. Вот почему убеждение как субстанциональная форма социалистической идеологии в период 20-х гг. позднее начинает вытесняться ее другой ипостасью – верой², которая рождалась из наглядной и убеждающей своими результатами практики общественного преобразования 20-х – начала 30-х гг., образ и

¹ Cliff T. *Marxism at the millennium*. London, Chicago, Sidney, 2000. P. 68.

² Вера, если использовать одно из определений данного понятия, есть состояние предельной заинтересованности, психологическая установка, мировоззренческая позиция и целостный личностный акт, состоящие в признании безусловного существования истинности чего-либо с такой решительностью и твердостью, которые превышают убедительность фактического и логического доказательств. См.: *Словарь культурологии. XX век*. СПб., 1997. С. 64–65.

ощущение которой были еще живыми и непосредственными – но связь с ней чем дальше, тем сильнее опосредовалась. *Идеологическое канонизирование позитивного опыта общественных преобразований приводило к тому, что сущее (практика) становилось должным (идеологическим императивом)*. А принцип императивности уже сам по себе упраздняет критическое отношение к утверждаемым им постулатам, создавая предпосылки для смены убеждения верой.

Так постепенно происходило качественное изменение социалистической идеологии: из выражения социального творчества она превращалась в аналог *социальной религии, т. е. становилась теологической модификацией «советского социализма»*. Канонизация социалистической идеологии (особенно в сталинской версии), набравшая обороты в 30-е гг., постепенно превращала ее в некий род религиозного учения наподобие христианства или ислама: в ней, во-первых, «Бог» (Сталин) – был один и един; во-вторых, отношения с «Богом» строились как вертикальные, иерархические и на «Вы»; в-третьих, и это самое главное, – «Бога» здесь уже не критикуют. При этом не надо забывать, что такая архитектура идеологии сильно укреплялась еще не изжитым к этому времени господствующим в массах патриархальным менталитетом. Так социалистическая идеология 20-х гг. постепенно обрела шлейфом социального отчуждения, обретающего религиозную (теологическую) специфику (тут невольно вспоминается Сталин-семинарист, хотя в этом вряд ли стоит искать глубокий символический смысл).

Иными словами, если Октябрьская революция диалектически сняла религию в коммунистической универсальности, то Сталин пошел вспять: он осуществил некое «обратное снятие» – сталинизм «снял» коммунизм как живое и практическое движение в форму теологического типа сознания с соответствующим ему мировоззрением. То есть сталинизм объективно (вопреки своей риторике) стал развивать такой тип мировоззрения, как *объективный идеализм*. Соответственно, сам Сталин стал живой персонификацией той божественной субстанции, которую в этом контексте можно было бы назвать «Бог Истории».

При этом, – что очень важно, – в качестве фундамента под эту свою новую ипостась он использовал реальное революционное движение масс со всеми его достижениями. Одним словом, персонализируя собой Октябрьскую революцию, Сталин в действительности «подгрел» под свое имя все ее практические результаты, теорию, идеи, все этическое достижение революции. Говоря современным языком, он идейно приватизировал и монополизировал идеи и живую практику социализма.

Вот почему с развитием сталинизма советская система эволюционировала не просто в разные, но в противоположные направления: одно из них предполагало развитие человека как субъекта Истории и Культуры, а другое – утверждало реального и вполне конкретного «Бога истории» в лице Сталина, порождавшего много других божков на местах. Сталин стал конкретной персонификацией общего Бога Истории, от лица которого выносились вердикты всем, кто попадал в поле его внимания. И эти два противоположных направления эволюции советской системы утверждали две не просто разные, но именно противоположные субстанции

общественного бытия индивида и социума: с одной стороны, коммунистичность как принцип субъектно-творческого бытия человека в Истории и Культуре, с другой – «социалистическую» патриархальность, утверждающую Бога и рабов Истории. Противоборство (не на жизнь, а на смерть) этих двух тенденций общественного развития и стало тем главным, что определяло драматургию бытия индивида и социума в советской истории.

Сталин стал синтезом всех религий, персонифицируя новый тип абсолютизма: «Сталин – наше все». Не случайно, что именно при сталинизме начали закладываться основы культового отношения и к фигуре Ленина.

Между тем хорошо известно, как яростно выступал Ленин против любых проявлений культа личности еще при жизни: *«Это что такое? Как же Вы могли допустить? Смотрите, что пишут в газетах? Читать стыдно. Пишут обо мне, что я такой, сякой, все преувеличивают, называют меня гением, каким-то особым человеком. Ведь это ужасно! И откуда это? Всю жизнь мы идейно боролись против возвеличивания личности, отдельного человека, давно порешили и с вопросом героев, а тут вдруг опять возвеличивание личности! Это никуда не годится»*¹, – так писал Ленин по поводу первых робких еще попыток его возвеличивания. В этом протесте проговаривалась не просто скромность, но именно последовательная позиция марксиста, к коим и относил себя Ленин. Еще в 1877 г. Маркс писал: «Первое вступление Энгельса и мое в тайное общество коммунистов произошло под тем условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами...»².

Итак, если Октябрьская революция диалектически сняла религию в коммунистической универсальности, то в 30-е гг. происходило уже некоторое попятное движение с его логикой «обратного снятия», понимая под этим, то, что коммунистические тенденции 20-х гг. как реальное и практическое движение в период 30-х гг. «снимаются» в своеобразный тип теологического мировоззрения.

Позже, в брежневский период, социалистическая идеология трансформируется в систему ритуалов и обрядов, поначалу активных и искренних, но потом все более и более вялых. Искренность социалистической веры, пусть даже и религиозной, уходит в прошлое. События августа 1991 г. продемонстрировали во всей полноте завершенность этой «эволюции»: социалистическая идеология из орудия общественной практики 20-х гг. постепенно превратилась в идеологию-религию в 70-е – 80-е, а к началу 90-х гг. – в «идеологический нигилизм», отрицающий любую идеологию вообще.

Распад советской универсальности ударил не только по социалистической идеологии, но и по культуре. Логика ее последующего «эволюционирования» свелась приблизительно к следующему: из *«инструмента»* революционного преобразования

¹ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. 1917–1924 // Избр. соч. Т. 3. М., 1964. С. 296–297.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М., 1935. С. 487–488.

жизни культура постепенно превращалась в своеобразную «икону», понимаемую в данном случае не столько как религиозный, сколько как культурный канон. Ориентируясь на этот канон, люди стремились привнести высокие смыслы и совершенные формы бытия не только в личную, но и в общественную жизнь. Такое отношение было характерно для советского общества 60-х – начала 70-х гг. Но уже со второй половины 70-х культура начала утрачивать свою силу как некий высокий ориентир в реальной жизни людей, становясь некой самодостаточной и приоритетной областью исчерпанных смыслов.

Такое «обожествление» культуры, превращавшее ее в «икону вне религиозного контекста», неизбежно меняло и ее смысловой вектор: теперь уже не она «шла в жизнь» (понимая под этим наполнение всех общественных отношений культурным смыслом, в котором происходит становление родовой сущности индивида), а совсем наоборот – жизнь уходила с площадей и улиц в культуру, а культура в свою очередь – на «кухни».

На первый взгляд казалось, что в таком изменении общественного смысла культуры ничего страшного нет; более того, будучи освобожденным от исторических задач, теперь индивид мог полностью раствориться в мире культуры, а значит, стать всесторонне развитой и высокохудожественной личностью. В итоге, получилось нечто обратное: *общественный и вполне культурный индивид 60-х из субъекта культуры постепенно превращался сначала в утонченного ценителя, а затем просто в утонченного потребителя культуры 70-х – 80-х.*

Так распад диалектического единства Истории и Культуры размывал и внутреннюю целостность его субъекта, постепенно, но неумолимо превращая его в частного человека. *«Теперь титаны должны научиться хитрить, скрывать свои мысли, прятать чувства. За буйные страсти сажают в Тауэр. Мечту скоро сменит чтение Библии у домашнего очага.*

...Вместо страстей, бушевавших в каменных замках, из углов теплых коттеджей выползают объёмные страстишки; отныне они управляют движениями людей. Возникает начало пути от трагедии к фарсу...»¹ – эти слова крупнейшего советского кинорежиссера XX в. Г. Козинцева относятся к его рабочим материалам по фильму «Гамлет»², но говорят далеко не только о проблемах обитателей Эльсинора.

Итак, развитие сталинского бюрократизма привело к сворачиванию свободного социального творчества, что повлекло за собой распад сложившейся еще в 20-е гг. целостности диалектического единства социалистического идеала, идеологии, культуры и трудящихся – того единства, которое стало основой зарождения и развития новой советской универсальности. Существенно, что целостность советской культуры была обусловлена характером и силой противоречий самой универсальности. Именно эти противоречия как раз и были той

¹ Козинцев Г. Отелло // Замыслы, письма. Собр. соч. В 5 тт. Т. 4. Л., 1986. С. 75–76.

² Там же.

центростремительной силой, которая соединяла ее самые разные идейные и художественные тенденции (порою прямо противоположные) в единое целое. По мере разрешения этих противоречий происходило и развитие самой универсальности, а значит и советской культуры. И наоборот: затянувшаяся неразрешенность этих противоречий поражала сам источник ее развития, вызывая сначала стагнацию советской системы, а затем и процессы ее тотального распада.

Атрофирование этой центростремительной силы привело к тому, что все целостное многообразие советской культуры стало распадаться на отдельные составляющие. Все они, будучи разными и особенными, когда-то в 20-е гг. диалогом их различий были связаны в некую органичную и противоречивую целостность под названием *советская культура*.

Распад советской универсальности обернулся распадом ее исторических и культурных смыслов на отдельные, отчужденные друг от друга и потому не имеющие между собой никаких отношений частные смыслы. У многих это вызвало ощущение того, что, с одной стороны, разорвалась пуповинная связь между смыслом их текущей жизни и смыслами прошлой советской истории, а с другой – отменено будущее как некий потенциал смысловой перспективы.

Это обстоятельство имеет глубокие исторические предпосылки: если в период 20-х – начала 30-х гг. «нервом» истории было социальное творчество масс, энергичные темпы которого выразил в своей музыке Г. Свиридов («Время — вперед»), то уже в период 70-х гг. «пульс» исторической жизни перемещается в пространство культуры, в те ее формы, в которых оказывается возможным сохранение прежних смыслов Истории. Другими словами: если при застое История, утрачивая социальное время (развитие), все же имела смысловое пространство (культуру), то сегодня, лишенная одновременно и того, и другого, История оказывается «вне времени» и «вне пространства». Не поэтому ли сейчас зачастую можно слышать слова о том, что в России опять наступило безвременье?

А как при этом обстоит дело с самим «творцом Истории»? Положение российского индивида в настоящем таково, что он, будучи отчужденным от творческого бытия в Истории, в то же время не имеет возможности, хотя бы опосредованно – через культуру – «ткать полотно Истории». Или, выражаясь в ключе фроммовской альтернативы, сегодня *индивид не может ни быть в Истории, ни иметь ее*.

Итак, если *сталинизм рождал ситуацию прерванного смысла* (даже ГУЛАГ, физически уничтожая людей, был не в силах упразднить не только гуманистический смысл их прежней жизни, но зачастую и саму убежденность их в этом), то *брежневский застой – ситуацию нереализованного смысла*. Современный же *российский либерализм практически обесмыслил сущность* едва ли не всех форм человеческого бытия, сводя их главным образом к деньгам. Все это, на наш взгляд, в то же время является и основным источником глубокой общественной депрессии.

Смысловой кризис самой человеческой жизни нашел свое полное выражение и в отечественной культуре. Так *особенное* многоцветье советской культуры превращалось в бесцветность российского постмодернизма.

Формально постмодернизм предполагает равное право на существование всех стилей и направлений (не только в искусстве). В действительности же эта якобы свобода оборачивается отношением равнодушия, исходного отчуждения всех от всех. Да это и понятно: в постмодернизме вообще нет отношений, так как нет самого субъекта этих отношений – нет Человека. Именно отсутствие Человека (как представителя рода «Человек») «вытащило» сегодня из искусства собственно человеческие (нравственные) проблемы, сделав его бессубъектным, беспроблемным и технологически удобопотребляемым.

«Искусство должно цеплять, но не грузить» – вот кредо искусства, рожденного в лоне современной рыночной тоталитарности. Вот почему искусство как особый «язык» общения – с собой или другими – сегодня оказывается ненужным. Соответственно, оказывается ненужным и искусство уже как художественное хранилище духовной энергии неотчужденных отношений. Так что потеря Человека в обществе привела к потере Человека и в культуре, что стало одной из важнейших предпосылок современного кризиса искусства.

Иными словами: постмодернизм – это попытка утверждения «истории и культуры» без Человека как субъекта. Поэтому с полным правом можно сказать, что постмодернизм – это законная и, более того, заслуженная культурная проекция современного либерализма, утверждающегося на основе рыночного фундаментализма. *«Культурное» кредо* такого *постмодернизма* – *принцип агрессивного частного* (нельзя путать с понятием «часть», которая стремится снять свою неприкаянность в целом) – *того частного, которое утверждает свое господство как раз за счет разрушения целого, целостности.* И пример тому – российский постмодернизм, утверждающийся посредством разложения советской универсальности, существовавшей в форме советской культуры.

Постмодернизм адекватен «разорванному сознанию» экзистенциально растерянного индивида, живущего в стрессе от постоянных и стихийных «сюрпризов» криминальной действительности, от своего глубокого разрыва с историческим и культурным прошлым, от непреходящего страха перед будущим. Российский гражданин, независимо от уровня дохода, сегодня имеет только две жалкие ипостаси своего «общественного» бытия: продавец рабочей силы на полукриминальном рынке труда и покупатель товаров и услуг (чаще всего сомнительного качества и назначения).

Итак, история СССР показала, что пока общественные отношения системы были основаны на человеке как субъекте истории и культуры, социум оказывается способным реализовать гуманистический (коммунистический) потенциал развития и человека, и общества:

- создать заново индустриальную экономику;

- ликвидировать почти поголовную безграмотность;
- создать высокую – советскую культуру, ставшую формой всемирной культуры;
- остановить мировой фашизм;
- восстановить экономику и культуру страны после войны;
- создать науку и высокие технологии, сделавшие возможным впервые выход человека в космос.

И самое главное – сотворить *Нового человека* в совместном сотворчестве *нового мира*.

Но по мере размывания субъектно-творческого принципа бытия индивида социальная система в СССР обретала такие формы, которые посредством бюрократии либо гасили идеи и интенции социального творчества, а в итоге и самого его субъекта, либо уже непосредственно через репрессивные механизмы (Гулаг и др.) уничтожали тех, кто являл собой творцов Истории и Культуры. В любом случае все это превращало человека в раба власти – если не капитала, то бюрократии.

* * *

Итак, *первый* вывод. Если мы посмотрим на Революцию с позиции культуры, то увидим, что культурный ее смысл заключался в следующем: социалистическая революция создала предпосылки для появления такого типа культуры, которая несла в себе не только критику отчуждения или действительности, порожденной этим отчуждением (кстати, на этой основе возникали лучшие образцы западного искусства). Советская культура имела в себе еще и установку на преодоление этого отчуждения и, более того, порою была пронизана духом снятия (преодоления), а порою и снятости (преодоленности) этого отчуждения. Советская культура имела идеальный образ мира, в котором снимается в числе прочего и социальное отчуждение.

Понятно, что это была не единственная тенденция советской культуры, но она наиболее адекватно выражала ее сущность. И в этом смысле *идеальное коммунизма* (как мира неотчужденных отношений) в советском обществе *было создано в лоне советской культуры и особенно в «ее душе» – советском искусстве*. Вот почему сегодня к нему поневоле тянутся даже апологеты ельцинского режима. Именно это обстоятельство обусловило то, что большая часть общества, оценивая ситуацию уже с реальным социализмом, причем по *законам духа советской культуры* (которая ими воспринималась как некий прообраз коммунистических неотчужденных общественных отношений), понимала его идеологическое (и не только) мутирование.

Необходимо сказать еще об одном противоречии: создав *идеальное коммунизма – советскую культуру*, наше общество оказалось впереди реального социализма, в то время как материальные отношения социализма остались позади капитализма. Эти «ножницы» позднего «реального» социализма, с одной стороны, как раз и давали СССР шанс (пусть небольшой, но все-таки шанс) в послебрежневский

период разрешить это противоречие попыткой прорыва вперед. С другой стороны, они обусловили специфику современного российского кризиса (аналогов которому не было на Западе). Но исторический кульбит 1991 года и его последствия (по своему общественному эффекту чем-то напоминающие императорские реформы 1861 года, когда Александр II под «громкие рукоплескания всей либеральной Европы провозгласил отмену крепостного права») в итоге выбросили нас не столько в капитализм, сколько в некий постмодернистский феодализм.

Вывод второй. Если посмотреть на культуру с позиции революции, то легко заметить, что революция выявила наиболее существенные законы культуры. Можно сказать, революционный смысл культуры заключается в том, что культура по-настоящему может развиваться только тогда, когда она включена в практику социальных преобразований, социального творчества. В любом другом случае она становится предметом потребления (экономического, идеологического, «культурного» – это не важно).

Третий. Революция породила новую универсальность – советскую культуру, которая преодолела ограниченность не только национальных, но и государственных форм культуры, став одной из ее ярких тенденций. До этого мировая культура складывалась как результат диалога разных национальных, народных культур. Советская же культура стала прецедентом зарождения мировой культуры на принципиально иной основе (или по-другому – интернациональной культуры)¹: когда она появляется как результат исторического и главное – совместного опыта разных народов в деле отстаивания мира неотчужденных отношений.

Четвертый вывод. Общегуманистический идеал справедливого и неотчужденного общества, существовавший до революции как некая абстракция, стал не просто составной частью советской культуры (здесь мы говорим прежде всего о ее социалистической тенденции), но вошел в ментальность (психологию, духовную культуру) народа. Это, кстати, обусловило одно из современных противоречий, когда люди при Ельцине оказались с социализмом (открытостью, отзывчивостью) «в душе» и антикоммунизмом – «в голове». Это же самое противоречие в значительной степени объясняет и вязкое состояние реформ: как выявилось, люди оказались не настолько социалистичны, чтобы активно и

¹ И действительно, основой универсальности советской культуры стала именно общая система ценностей (а не просто всеобщая технологичность всех общественных связей), в лоне которой получили свое развитие все ее национальные краски. Действительная ориентация на интернационализм была не только политической линией официальной власти, но она диктовалась и самой логикой зарождающейся советской культуры – и результаты этого в полной мере проявились в войне с фашизмом. При сталинизме и «застое» складывалась, увы, уже иная ситуация.

солидарно им сопротивляться, но и не настолько отчуждены от гуманистических идеалов, чтобы принять эти реформы с воодушевлением.

И последнее: *Октябрь 1917 года породил культуру как коммунизм*; следующий этап (если мы говорим об альтернативах современному миру глобального отчуждения) – сотворить уже *«коммунизм как культуру»*.

Опыт исторического творчества народа

*Хлыстова Н.А.,
к.ф.н., СГМУ, Томск*

Революция – «рок истории» [1, с. 108], решение крайнее, исключительно болезненное, но «революция является продуктом общественного кризиса, выражением неспособности властных структур открыть простор для необходимых новаций» [2, с.199]. И в этом смысле “... революция – акт естественно-исторический. Её искусственное торможение чревато столь же трагическими последствиями, как и искусственное провоцирование” [3, с. 81]. Русская революция, которая была «порождена своеобразием русского исторического процесса» [1, с. 109], выросла из системного кризиса мирового капитализма, вступившего в начале XX века в свою высшую стадию империализм и косвенно вызвавшего острейший общенациональный кризис в России. Годы мировой войны, разруха, саботаж, мятежи генералов «перенапрягли» возможность экономики, социальных отношений, политического и административного строя страны, выявили неспособность власти справиться с обеспечением даже элементарного хода повседневной жизни. Перенапряжение общества, вызванное войной, сузило простор для политического и социального маневра, ограничило возможность альтернатив.

Реальной альтернативой Октябрьскому повороту была не буржуазно-демократическая республика, а анархический бунт и кровавая диктатура военщины, в частности, генерала Корнилова, не желавшего мириться ни с Советами, ни с Временным правительством Керенского. Октябрьская революция предотвратила хаотический самораспад страны.